

В горах

Ю. К. Шестопалов

С какого же момента надо начать этот рассказ? Идя по жизни, мы постоянно совершаем поступки, которые тем или иным образом определяют наше будущее. Как будто бы сеем семена, которые потом взойдут, принося нам либо полезные плоды, либо ядовитые и колючие растения, которые потом будут отравлять наше существование. Хорошо, если недолго, а то ведь бывает, что и всю оставшуюся жизнь. А этой жизни, положив руку на сердце, не так уж много нам отведено, если брать по большому счёту. Так что надо посматривать, что мы там сеем сегодня, чтобы завтра, как говорится, не было мучительно больно за свою беспечность, или наивность, а то и просто глупость.

Предгорье

Бортовой «Камаз» упорно, не снижая скорости на ухабах, гнал по грунтовой дороге, постепенно забираясь в горы. Над нами нависла низкая облачность; на её фоне быстро передвигались неприветливые серые облака, которые на протяжении всего пути то и дело выбрасывали заряды мелкого и колкого на скорости снега. И мы и наши рюкзаки частенько подпрыгивали на кочках, так что приходилось всё время держаться одной рукой за борт кузова, или за скамью, а другой придерживать пляшущий рюкзак. В данный момент дорога пролегла вдоль горной реки, широкие пенистые шиверы которой то и дело выглядывали между прибрежными холмиками. Недавно выпавший снег на холмах был изъеден вытаевшими проплешинами короткой порыжелой прошлогодней травы. Была вторая половина апреля, снег в этом месте, видать, уже полностью сошёл, но последние дни зима снова заявила о своих правах морозами и снегопадами.

Дорога постепенно отошла от реки и начала заметно забирать вверх. Мы, группа туристов из шести человек, уже около часа ехали от Акдавурака к началу нашего маршрута по Туве, откуда нам предстояло пройти по горам около двухсот километров, «взять» штук семь серьёзных перевалов, и «по дороге» взойти на несколько вершин.

«Камаз» перед этой поездкой перевозил уголь. Когда мы в Акдавураке залезли в кузов, который напоминал плохо очищенный угольный бункер, Серёга бодро, со знанием дела сказал: «Антрацит, узнаю по блеску». На что я, не удержавшись, тут же прокомментировал: «О, да, это в корне меняет ситуацию! А я-то думал, что это бурый уголь. Ясное дело, заработать силикоз от антрацита или даже просто задохнуться в нём гораздо приятнее!»

Немногословный Коля только сдержанно улыбнулся на наш трёп, а Мышкин, похоже, даже не обратил внимания – где-то в далёкой теперь нетуристской жизни он работал монтажником на стройке. Он и выглядел как монтажник из фильмов пятидесятых. Повыше среднего роста, поджарый, с обыкновенным лицом и рабочей, немного тяжеловатой, а скорее основательной, из стороны в сторону, походкой. Не сказать, чтобы лицо было открытое, но и не так чтобы Мышкин со всеми своими человеческими особенностями был тайна за семью печатями. Читать по его лицу можно было примерно как обыкновенный понятный почерк против печатного шрифта.

В этом плане Серёга, несмотря на его открытость и весёлость, был более многослойный. Он трудился в школе, преподавателем физкультуры. Это был весёлый неунывающий малый,

со всегда готовой историей на любой случай жизни, поговорками и прибаутками. За видимой лёгкостью характера чувствовались ум и твёрдость, да и тело его, нормального размера, жилистое и сильное тело бывшего борца, говорило кое-что о характере его обладателя. Форма и содержание взаимосвязаны. Так, к примеру, Цезарь знал, что внешний облик хорошо соотносится с внутренним содержанием. Потому так он и опасался Кассиуса с его поджарым мускулистым телом и постоянно работающим умом. И оказался прав, подтвердив это наблюдение ценой своей жизни.

На скорости ледяной ветер закручивал угольную пыль, и мы все были как шахтёры после смены в забое. И пыль и мелкая крошка прилипли под одежду и неприятно чувствовались на всём теле. Качественный антрацит, если это действительно был он, хрустел на зубах и запорашивал глаза. Рюкзаки были перемазаны не меньше, чем мы сами. Я мужественно продолжал держать свой прыгающий тридцатикилограммовый рюкзак на коленях, желая уберечь его хотя бы от чёрной грязи, которая образовалась на полу кузова, где уголь перемешался с растаявшим снегом.

В начале пути некоторые из нас уже высказали свои соображения руководителю похода, Гене, ответственному за «фрагтовку» машины. Эти дружелюбные упрёки сводились к тому, что, мол, надо смотреть, на чём собираешься перемещаться в пространстве, и что эта угольная «душегубка» не самое лучшее транспортное средство, какое можно было найти в Акдавураке. Уж чего-чего, а машин в этом месте хватает, поскольку там находится горно-обогатительный комбинат. Гена недовольно огрызнулся, что раз не нравится, сами бы и искали, а так берите что дают, после чего сам сел в кабину с шофёром. Гена небольшого роста, для своего обыкновенного сложения довольно сильный, но не двужильный. На этот счёт у меня какое-то чутье. Может, от многолетних занятий спортом, не знаю, но, скорее всего, это врождённое чувство. Лицо у Гены сосредоточенное, и даже когда он смеётся, всё равно эта сосредоточенность присутствует. И при всём при том, он немного простоват. Это примерно как идёшь по снежной тропинке, всё нормально, а потом раз, и неожиданно поскользнёшься. Так и с Гениной простотой. Всё хорошо, хорошо, а потом Гена раз, и удивит. И не чем-то таким хорошим, а наоборот. Работал Гена по строительной части. По моим представлениям, он был нормальный мужик, но его простоватость настораживала. И для себя я сделал такую заметку ещё во время подготовки похода, решив, что на Гену особо полагаться не следует. Я вообще считаю, что идя по жизни, ни на кого не надо слепо полагаться. Люди разные, ситуации различаются, жизнь меняется, всё время. Сам смотри в оба.

Искать другой транспорт не было времени, так что мы «взяли», что приготовил для нас от своих организационных талантов и житейского разума Геннадий, и попытались обустроиться как можно лучше. Мы пытались загораздиться пологом, который нашли в машине; Мышкин героически некоторое время ехал стоя, но на ледяном ветру даже его продубленная строительная кожа не выдержала. В общем, очень скоро мы все пропитались угольной пылью.

А впрочем, особо пенять было не на кого. Нашему отъезду предшествовал незначительный эпизод, который, может быть, тоже повлиял на скоропалительное Генино решение. Утром мы пришли в тесное помещение почты, чтобы отправить телеграмму в турклуб (таким образом они потом могли проследить наш маршрут, а это надо для присвоения спортивной квалификации). Какой-то местный житель прямо-таки ломился без очереди, крича, что он тут самый главный. Послушав его неубедительные доводы, я в итоге

взял нахального мужичонку, тувинца, подмышки и вынес его из очереди. Бывшие там соплеменники, обидевшись за своего товарища, вышли на улицу, и там устроили шумное обсуждение этого события, так что даже нам внутри были слышны их крики. В итоге они вынесли коллективное решение меня зарезать, о чём, по-видимому, в соответствии с местным этикетом, меня уведомил их гонец, молоденький парнишка-тувинец. Было ясно, что они просто брали меня «на пушку». Не те люди, чтобы благородно уведомлять противника о своих кровавых намерениях. Я со смехом посоветовал гонцу взять нож подлиннее и наточить его получше. Но самое интересное было то, что Гена принял их заявление всерьёз, и стал сторониться моей компании. Может быть, из опасения попасть под горячую руку народных мстителей в обещанной резне, которую его возбуждённое воображение превратило в реальность. Из-за этого, когда я потом предлагал Гене свой опыт общения с водителями на стройках, Гена побоялся взять меня с собой на переговоры. Может быть, я делал это недостаточно настойчиво, наивно полагая, что такое несложное дело как поиски машины можно отдать на откуп любому. Но я ошибся! Я вообще часто ошибаюсь, надо сказать, хотя всегда одним из рассматриваемых вариантов бывает и правильное решение. Вот что досадно!

Вскоре проплешины травы исчезли, и теперь всё кругом было покрыто снегом, которого становилось всё больше. Водитель «Камаза» уже давно ехал по снежной целине; видать, по наитию чувствуя дорогу. Наверное, он ездил здесь раньше, и просто помнил, где проходит дорога, или по каким-то одному ему знакомым ориентирам не сбивался с пути. Наконец мы выехали на пригорок, с которого открывался вид на неширокую горную долину, поросшую смешанным лесом; темным, почти чёрным на белом снежном фоне. Всё, приехали. Мы выгрузились на снег, Гена рассчитался с водителем, отдав тому четыре литра спирта и какое-то несуразное количество денег, что вызвало возгласы изумления.

«Гена, да за такие деньги и за четыре фляжки спирта мы бы междугородний автобус нашли, с туалетом!» - не удержался от комментария Серёга.

Гена, по-видимому, и сам понимал, что дал маху, и на сей раз даже не огрызнулся, а промолчал. Я тоже подивился такой несколько односторонней коммерческой сделке, но ничего не сказал - какой смысл теперь это обсуждать, дело сделано. Спирт как продукт питания меня, в отличие от некоторых других участников похода, не интересовал, но я понимал его экономическую ценность, как мерило стоимости услуг и товаров, и его особую значимость в нашем туристском деле, полном неожиданностей.

Меня больше докучала угольная пыль. Не ходить же мне с ней три недели. Ветер был не сильный, и теперь, не на ходу, казалось не так холодно - было, может, градусов восемь-десять ниже нуля. Другого случая не будет, решил я, надо мыться. И с наслаждением начал снимать с себя всю одежду, до нижнего белья, и выхлопывать её от чёрной пыли. Проделав эту гигиеническую процедуру, я начал зачёрпывать пригоршнями снег и как бы мыться. Помыв таким образом снегом лицо, я увидел, насколько же был грязный. Снег стал просто чёрным. Гена с Володей в это время рассматривали карту, Серёга тоже минимально приводил себя в порядок, хотя полностью не раздевался, а Мышкин, слегка обтерев лицо, занялся фотоаппаратом. Угольная грязь его, похоже, не беспокоила. Есть счастливые люди на белом свете! Есть!

Коля сначала переобулся, а потом, увидев мои манипуляции, присоединился ко мне, и тоже разделся до трусов, обнажив своё коренастое мускулистое тело, и начал тереть его снегом. Коля ростом чуть повыше среднего, но сложен хорошо, крепко. Увеличь его раза в полтора, и получится копия былинного богатыря Ильи Муромца. Стоя рядом со мной, и

натираясь снегом, он вполголоса, вдумчиво, но неодобрительно, прокомментировал Генины таланты так бесславно транжирить общественные деньги и достояние.

«Я так думаю, за четыре литра спирта здесь можно парадную колонну машин нанять, с флагами и оркестром, и через три недели они бы нас ещё и встретили», - подытожил он свою оценку Гениной предприимчивости. Но говорит он это весело, со своей обычной доброжелательной улыбкой, как бы между делом - ни сожаления, ни досады в его голосе не чувствуется. Ощущается, что он рад, что наконец-то выходим на маршрут. Коля настоящий турист, такой горный бродяга. Но порядок в делах любит. И без этого тоже, кстати, нет настоящего туриста, слишком много неожиданностей приходится встречать по ходу дела, и надо быть к ним готовым. А готовиться, как известно, надо заранее, без спешки, продумав всё по-человечески и соответственно настроившись.

Я испытываю какую-то тихую радость от предстоящего похода, предвкушая непонятно что, но хорошее. Где-то далеко остались обычные дела, которые мне тоже нравятся, но они другие. А сейчас всё, что составляет мой мир, это горная долина перед нами, занесённая снегом, темный лес метрах в четырёхстах, стена которого резко контрастирует со снегом, да пасмурный ветреный день с низкими облаками. И мы, шесть человек, стоящие на открытом и просторном пологом склоне. Сверху мы выглядим, наверное, как маленькие, чуть шевелящиеся чёрные точки на белом пространстве. И это и есть весь мой мир, как это бывает, когда вступаешь в полосу отчуждения, отрезая, отстраняясь от своей прежней жизни, которая в этот момент как бы останавливается, замирает, сжимается в маленький, чуть заметный комочек где-то в глубине души. И так он и будет спать там, этот комочек, пока не придёт ему время снова оживиться и заявить о своих правах. Но это будет потом, а сейчас он ничем не напоминает о себе, но всё внимание поглощают простые и понятные заботы. Например, сейчас просто надо помыться, и я всей душой отдаюсь этому незатейливому делу, тем более что становится холодно, и пора, пожалуй, начинать одеваться.

Самая мерзлявая часть тела в такого рода снежных процедурах, это подошвы ног. Может оттого, что они плотно соприкасаются со снегом, но только у меня это самое слабое место. Так я могу валяться в снегу, нырять в него, но первыми начинают замерзать именно ступни. Вот и в этот раз, ноги я мыл в последнюю очередь, но замёрзли они у меня первыми.

«А ничего, разогреемся на ходу!» - говорит Коля, который тоже подзамёрз от нашей не то водной, не то снежной процедуры. Народ, наконец, разобрался со своими неотложными делами, навьючил рюкзаки, и потянулся вверх по пологому склону. Судя по карте, нам надо выйти на гребень, и уже по нему подниматься дальше. Надо пройти предгорье, заросшее лесом, а там уже начнутся настоящие горы. В Туве граница леса относительно невысокая, чуть больше двух километров. Потом недолго идут кустарники, а дальше только снег да камни, и там, в высокогорье, нам и предстоит провести почти всё время похода.

Мы с Колей помаленьку, уже у самой границы леса, догоняем ушедших вперёд. Коля мне понравился. До похода я его не знал, познакомились, можно сказать, у самолёта. И так постепенно, за те два дня, что добирались до места, приглядываясь друг к другу, почувствовали родственные души.

Из остальных участников я знал Володю, моего школьного товарища. Он недавно отслужил два года офицером в армии, строил что-то большое и нужное на Дальнем Востоке, так что перерыв в походах у него был приличный. Сейчас он работал начальником отдела в строительной организации. Володя был мой друг. В школе мы сидели за одной партой, вместе плавали – у моряков говорят, ходили – на парусной шлюпке, и вообще много чего делали вместе. Володя личность неординарная. Такие люди встречаются очень редко. Он сочетал в

себе и ум, и чёткую социальную ориентацию, нацеленность на общественный успех. И это не был карьеризм, в том-то и штука. Володя болел душой за общее дело, ему нравились масштабные дела, в которые вовлечено много людей и которые требуют напряжения и отдачи всех сил. Он работал не за деньги. Как всякому сильному мужику, ему нужно было дело по плечу, этого требовала его деятельная и общественно ориентированная натура. Ему нужен был производственный коллектив, который бы он мог организовать, нацелить на дело, хотя сам процесс ему тоже нравился. И была лишь одна особенность его характера, которая меня всегда настораживала. Это некоторый авантюризм. Володя мог ввязаться в мероприятия, шансы на успех в которых были сомнительны, надеясь напором и изворотливостью как-нибудь повернуть дело в свою пользу, хотя оснований для такой уверенности было немного. Это качество можно рассматривать как достоинство, когда действительно необходимо рисковать, а по жизни, если хочешь прожить её полноценно, приходится рисковать постоянно, тем или иным. Но если риск переходит какую-то грань, которую надо всегда чувствовать, то тогда такое качество превращается в недостаток, и может привести к большим проблемам.

Мышкин когда-то учился с Володей, но не доучился. Что-то когда-то у него было за душой, и даже немного оставалось, но необязательность, какие-то не то инфантильность, не то разгильдяйство, да и, по-видимому, характер работы, неуклонно уменьшали эту компоненту его личности. Он, похоже, это понимал, как-то по инерции старался «держать марку» рабочего с широкими интересами, для подкрепления своего воображаемого социального статуса, но обыденная рутинная жизнь его быстро засасывала, и он этому не противился. А вообще он был ничего.

Насчёт рабочего-интеллигента, с широким кругозором, это был такой образ, созданный в то время. Были поставлены соответствующие фильмы, и кто-то, как всегда бывает, следовал в своём развитии положительным, хотя и не очень жизненным, примерам. А вообще, мы все были нормальные люди, получившие примерно одно воспитание, жившие примерно в одной среде, и потому изначально достаточно хорошо понимавшие друг друга. Хорошо это или плохо? Да не знаю. Во всяком случае, возможность быстро находить общий язык, я считаю, дорогого стоит, а ориентированность на социальные потребности, когда учат думать не только о себе, но и об обществе, в котором живёшь, тоже неплохая вещь. Плохо когда одна часть думает об обществе, а другая только гребёт под себя.

Коля работал инженером в железнодорожной мастерской сигнализации и связи. По возрасту он был лет на десять старше меня. Коля был молодец. Все делают ошибки, делал их и Коля, но меньше, чем многие другие. Он и людей понимал, и правилам своим не изменял. И порядочность была одним из его главных правил. Ну и остался я, со своими занятиями как бы научной работой, а фактически со статусом «шабашника». Я сам находил так называемые хоздоговора, где придётся, и в процессе их выполнения, если позволяла тематика, попутно занимался научными разработками. Нашёл договор, платят. Не нашёл, сию без денег - такое тоже бывало в моей «научной» практике.

Согласно табели о рангах, с туристкой точки зрения, кроме меня, народ был опытный. Гена, как руководитель, за этот поход должен был получить мастера спорта по туризму, если всё закончится благополучно, или горному туризму, я особо не интересовался такими деталями. Наверное, горному - мы же по горам ходили - хотя как там всё засчитывается, я не знаю. Мне было просто интересно попутешествовать по горам. Формально я был новичок, и по-хорошему меня не должны были брать в этот сложный поход. Но Володя как бы

поручился за меня, и Гена с некоторой неохотой, с настороженностью, включил меня в группу. Так-то я ходил в походы, в том числе в одиночку, но мне никогда в голову не приходило рассматривать это занятие как спорт. Поход, это было просто интересно.

Снега в лесу поначалу было не очень много, но всё равно мы шли гуськом друг за другом, изредка меняясь, кому идти первым. В лесу было тихо и печально, то ли от пасмурной погоды, то ли просто вот такое нашло на меня настроение. Вначале это был смешанный лес с невысокими деревьями; по-видимому, из-за холодного климата и бедной почвы. По мере набора высоты лес стал полностью хвойным, в полном соответствии с предписаниями учебника природоведения четвёртого класса, содержание которого я всё ещё помнил. В смысле ориентации всё было просто – иди себе в лесу, по гребню, который должен был вывести нас на высоту примерно тысячи семисот метров. По лесу ходить не очень интересно, но куда деваться, раз Гена проложил такой маршрут. Допустим, ему виднее.

Ночлег

Незадолго до сумерек мы нашли более-менее ровную площадку на склоне, остановились, и стали готовить ночлег. Надо было сварить еду, поставить палатку. Было относительно нехолодно, так что такие горячие ребята как Серёга и Коля разделись до свитеров, и в таком виде занимались обустройством нашей стоянки. Мышкин вспомнил, что забыл зашить палатку, да и со спальниками у него была проблема, замок не работал. Ну разгильдяй, что тут ещё сказать! Достал нитки, иголку, и начал ремонтировать палатку, за которую был ответственным. Я подивился такой беспечности. Ну а если бы сейчас крутила метель, что бы он делал? Даже в дороге времени было более чем достаточно, чтобы заняться ремонтом, сутки мы провели в Новосибирске, ничего не делая - ожидали самолёт. Коля, встретившись со мной взглядом, дал понять, что тоже обратил внимание: «Ну ребята дают!» - сказал он с улыбкой, мотнув головой. Замечание относилось и к Мышкину, и к Володе, который тоже срочно занялся починкой своего спального мешка.

Гена, человек по природе пунктуальный, сдержанно осведомился, нельзя ли было обойтись без открытия таёжной швейной мастерской. Но «ребятам» эти намёки были, что называется, «до лампочки». «Подумаешь!» - сказал Мышкин, - «Сейчас починим, будет лучше новой». Гена промолчал. Напрягать обстановку в первый день похода ни к чему, помаленьку участники притрутся друг к другу, тогда будет проще, а пока ситуация и погода дали нам небольшую фору и можно закрыть глаза на такие мелочи.

А вообще было хорошо. Конечно, в лесу не видно далеко, и эта ограниченность обзора лично мне мешает. Но всё равно, приготовив еду на костре, и расположившись вокруг него есть, мы почувствовали, что поход и в самом деле начался. Было тихо, только позвякивали изредка ложки о кружки, да поскрипывали деревья, вершины которых раскачивал несильный ветер. Снег лежал кругом чистый и нетронутый таянием – весна на эту высоту ещё не добиралась. Быстро, прямо на глазах, темнело, и таёжная ночь полновластно вступала в свои права. Лес, и без того тёмный, как будто ещё ближе придвинулся к костру. Так всегда бывает, даже летом, что вот наступает такое чувство, будто жизнь осталась только на маленьком пяталке земли, возле костра, а кругом одна таинственная и непроницаемая темнота.

Но это у меня. А Мышкина и Володю обуревали другие чувства. Насытившись и получше устроившись у костра, они глянули друг на друга, и, не сговариваясь, заорали песню. Честное

слово, я бы с удовольствием написал «запели», мне не трудно. Но тогда бы я покривил против истины.

«Ка-ка-о! Да на сгущенном молоке! Ка-ка-о! стакан дрожит в моей руке!» - разносилось по ночному зимнему лесу. Я никогда, ни до, ни после, не слышал этой песни. Думаю, они сочинили её сами ещё в студенческие годы. Песня получилась неплохая, а главное, исполнение было искреннее и с воодушевлением. А в конце песни, по сюжету, лошадь выпила ведро какао. Вот так всегда и бывает. Надеешься, ждёшь, а оно бац – и приехали! Тупик, станция Шепепетовка, и извольте, граждане, вылезать в холодную ночь. Потом мы ещё поговорили, сидя у постепенно догорающего костра. Серёга рассказал несколько смешных историй из своей преподавательской практики. Человек он был наблюдательный, и для меня было откровением, что иногда разница в видении жизни между быстро взрослеющими девушками-старшеклассницами и их сверстниками-ребятами так велика. Но, судя по Серёгиным историям, в которых ребята часто демонстрировали чисто мальчишеское отношение к окружающим, так оно и есть.

Гена просветил нас насчёт завтрашнего дня. Несколько часов нам предстояло подниматься вверх по замёрзшему ручью. Или небольшой горной реке. По-прежнему ничего не будет видно, но с точки зрения прохождения маршрута вариант неплохой, однако при том маленьком условии, что мы не будем проваливаться сквозь лёд, что отнюдь не исключено на горных реках. Мы с Колей ещё при свете рассмотрели его карту, и примерно представляли, о чём идёт речь. Потом мы все забрались в палатку, поворочались в темноте, устраиваясь на ночь, и уснули.

День второй, верста восьмая

Люблю я утром вылезать в незнакомом месте из палатки. Знаешь, что всё будет совсем по-другому, чем вечером, когда останавливаешься на ночлег. Вот и на этот раз, стараясь не наступить коленями на чьи-нибудь ноги, я в полутьме на четвереньках пробираюсь к выходу, расстёгиваю немного полог, и выползаю наружу. И сразу же пришло ощущение скорой перемены погоды. Слышно, как в вершинах деревьев дует стабильный и довольно сильный ветер. «Такой точно что-нибудь надует», - мысленно говорю себе. И скорее всего, ничего хорошего. Внизу, под деревьями, пока тихо. Но иногда более сильные порывы ветра ощущаются и здесь. Вокруг стоянки видны немногочисленные следы мелких животных. Вот явно в сторонке прошла лиса. А так в природе подсознательно чувствуется какая-то обеспокоенность, наверное, скорой непогодой. Откуда приходит это ощущение, неясно. Может, от тревожного шума ветра вверху, покачивающихся стволов деревьев, сумрачного утра, и низких тёмно-серых облаков, быстро пролетающих вверху, между игольчатыми вершинами сосен и елей. И как-то тоже поддаешься общему настроению, как будто подстраиваешься под заданную музыкальную тональность. И сопровождают её сильные, в основном минорные, аккорды.

Снег ощутимо поскрипывает под ногами. Судя по этому скрипу, температура градусов пятнадцать ниже нуля, да и лицо со сна слегка начинает пощипывать морозец. Мы с Колей дежурные, надо заниматься делом. Коля, как будто прочитав мои мысли, тут же высовывает свою вихрастую голову из палатки. На лице бродит сонная улыбка, глаза со сна немного заплыли. Так приятно видеть его дружескую физиономию в не очень-то уютном сегодня лесу.

Костёр разводит Коля. У него уже наготове кусочки плексигласа, которые часто используются опытными туристами для растопки. Я занимаюсь дровами, достаю продукты,

хожу за водой к недалёкому ручейку, в котором ещё с вечера нашли промоину. Мы почти не разговариваем, каждый знает, что ему надо делать. И вскоре уже негромко, но весело потрескивает костёр, над котелком появляется пар, и вообще жить становится веселее. Надо присматривать за кашей и костром, но это мы делаем между делом, сосредоточившись на разглядывании Колиной карты. С подъёмом по ручью более-менее ясно. Скорее всего, кто-нибудь провалится, но это ничего, на ходу ноги снова подсохнут. В конце концов, можно будет переобуться в сухие носки, когда закончим подъём. Дальше надо будет идти по высокогорной долине, а потом уйти налево в распадок (распадок - это вроде горного ущелья, но только немного пошире), подняться по нему до следующей горной долины и затем подниматься вверх вдоль цепочки горных озёр, довольно больших. Распадок узкий, и вообще их там несколько, близко друг от друга, так что надо будет смотреть внимательно, чтобы не проскочить и не уйти дальше или свернуть не в том месте. Долина примерно через четыре километра заканчивается цирком, считай тупиком. Вроде по карте всё понятно. Однако в горах на деле ориентироваться непросто, тем более в горной стране, когда ущелья и долины идут как попало. Иногда бывает, что в одно место выходят несколько распадков или ущелий, и в таких случаях легко уйти не туда куда надо.

Народ постепенно, поодиночке, очнулся ото сна; кто выполз из палатки, а кто и просто выкатился на снег. Вскоре все окончательно проснулись, чему немало способствовал морозец. И вот мы все деловито, в отличие от расслабленной вечерней трапезы, завтракаем. Позвякивают ложки о металлические кружки, которые в походе служат и миской, и стаканом. Зимний лес уже не кажется таинственным, как вечером, но воспринимается буднично, как будто мы в нём провели неделю. Костёр догорает, дым то устремляется вверх, то стелется по земле, и при этом не угадаешь, в какую сторону. Сегодня его тянет в основном на Мышкина, но он даже не морщится. Просто не замечает. Я не люблю запах дыма. Некоторые говорят, что им даже нравится, когда одежда пропахнет им. Это не я. Когда этот запах со мной пару недель, меня потом начинает с него тошнить. Ради тепла и приготовления пищи я готов перетерпеть некоторые неудобства, но не больше. По мне лучше таскать примус с бензином. А, впрочем, в горных походах костёр туристская экзотика, в высокогорье его разводить не из чего.

Ребята и правда опытные туристы. Как-то всё у них как бы между делом и быстро получается. И глазом не успели моргнуть, как свернули палатку, упаковали рюкзаки. Всё, можно идти дальше. Как говорится, спасибо этому дому, пойдём к другому. Ещё раз оглядели стоянку, не забыли ли чего, хорошо ли затушили костёр, и вперёд.

Идти по ручью нетрудно. Иногда встречаются небольшие замёрзшие водопады, метра по полтора-два. Идущий первым ледорубом вырубает ступеньки в ледяной стенке, и, подстраховывая друг друга, остальные по ним выбирают наверх. Ширина ручья в среднем порядка пяти метров, хотя иногда сужается до трёх. Берега довольно крутые, на них вплотную к ручью растёт густой хвойный лес. Поэтому мы и не обходим замёрзшие водопады, легче вырубить в них ступеньки, чем обходить по берегу. Там, где узко, ветви почти смыкаются над головой. Внизу тихо, но наверху всё сильнее задувает ветер. То ли от того, что мы поднимаемся выше, то ли оттого что погода всё больше портится. Скорее, второе.

Первым проваливается Серёга. Повернулся что-то сказать, и тут же угодил в промоину, не видимую под слоем снега. Но намочил он только одну ногу. Переобулся, надел сухой носок, и пошёл дальше. Вскоре Мышкин «поддерживает компанию», но он даже не считает

нужным переобуться, так и двигается дальше. Тоже можно. На ходу ноги высохнут, но есть шанс натереть ногу мокрым носком. Народ по разным поводам вспоминает подходящие случаи из своей туристкой практики, в основном происшествия, имеющие какое-то отношение к нашему мероприятию.

Колина история

Коля как-то попал в поход с группой из девяти человек, в которой руководитель похода подряд принял несколько ошибочных решений, когда они попали в серьёзный переплёт из-за неожиданного в то время года сильного снегопада. Ещё до снегопада он послал вперёд двух ребят покрепче, чтобы те приготовили палатку к приходу остальной группы. Маршрут пролегал по довольно широкой горной долине с выходящими в неё ущельями, которые, как уже здесь упоминалось, часто называют «распадки» - горы как бы «распадаются», образуя проход. Договорились о месте, где они должны были поставить палатку и ждать группу, обустроивая ночлег. Но в снегопаде ребята проскочили это место и ушли дальше. Как они потом рассказали, в какой-то момент дезориентировались, и вообще нечаянно свернули в распадок, вместо того чтобы продолжать двигаться по долине. В горах, да ещё во время снегопада, сделать такое совсем несложно. В конце концов, они поняли, что заблудились. Палатка у них была, но практически не было еды.

В группе были две девушки, которые быстро устали, когда пошёл сильный снег и началась метель. А скорее, они просто испугались. В общем, очень скоро они не смогли идти дальше. У этой группы была еда и небольшая палатка на четырёх человек. Девушки отказались двигаться, будучи деморализованы непогодой и тем, что идти стало ещё труднее. В такой ситуации очень многое решает настрой, даже не силы. Силы ещё могут быть, но если деморализован, или охвачен страхом, то можно погибнуть или заполучить серьёзные проблемы в относительно несложной ситуации. А правильный настрой мобилизует и умножает силы.

И в этот момент, когда девчата совсем пали духом, руководитель принимает ещё одно неправильное решение. Он решает оставить девушек одних, с тем, чтобы вернуться за ними потом. Коля с самого начала был против, чтобы разбивать группу, и видя, как девушки слабеют на глазах, вопреки решению руководителя, остался с ними. Остальная группа ушла, а девушки совсем потеряли присутствие духа. Валил сильный снег, температура опускалась прямо на глаза. Коля поставил палатку, и как мог, поддерживал и ободрял девушек. Заставил их выпить немного спирта, уложил в один спальный мешок и устроил их потеплее, собрав для этого всё тряпье, какое у них было.

А метель к тому времени разыгралась не на шутку. Руководитель, да и остальные, ушедшие с ним вперёд, поняли, что отосланных ранее вперёд парней не найти, и стали искать хоть какое-то место, чтобы переждать непогоду, да к тому же быстро надвигалась ночь. В итоге они нашли место под наклонённой скалой, более-менее загороженное от ветра и снега, как-то минимально обустроились, и провели ночь, прижавшись друг к другу.

Наутро непогода продолжалась. Двое парней, которых отослали с вечера вперёд поставить палатку, оказались практически без еды. Были у них какие-то витамины, но что от них толку. Так что им волей неволей надо было переходить на подножный корм, который был укрыт снегом, или идти искать остальную группу. И они пошли назад, увязая по колено в снегу. Недостаток еды не такое уж страшное дело, организм без особых проблем переключается на внутренне потребление, но у разных людей процесс может проходить по

разному, и некоторые переносят недостаток пищи болезненно. Потом, при интенсивной физической нагрузке голодный организм не успевает снабжать энергией. И эти двое как-то плохо, видать, были приспособлены жить без пищи. Как это обычно бывает, по «закону подлости», они разминулись с группой без палатки, но зато случайно заметили палатку, где были Коля с девушками. К тому времени снег прекратился, и благодаря этому они не ушли ещё дальше. А могли.

А Коля решил, что нечего дёргаться, надо сидеть на месте, и ждать, когда остальные вернуться к ним. Он убедил пришедших ребят, что надо набраться терпения и ждать других парней, хотя пришедшие хотели идти искать остаток группы. А получилось как Коля и предсказал. Группа ночевавших под скалой, из которых часть обморозилась, в итоге вернулась к ним, и произошло воссоединение, но не очень радостное, потому что народ был в основном деморализован создавшейся ситуацией. Руководителя похода разжаловали, и вместо него надежды на спасение возложили на Колю. А он, видя плачевное состояние большей части туристов, решил не продолжать поход, а побыстрее вывести их с маршрута к какому-нибудь жилью. Сообразуясь с выпавшим снегом, он выбрал самый лёгкий путь и через два дня вывел группу к деревне, из которой уже на нанятой машине они добрались до ближайшего городка. Больше они вместе никогда в поход не ходили, да и вообще избегали встречаться друг с другом.

Да, такое дело. Когда не хватает моральной стойкости и физических сил, не стоит замахиваться на многое. Да и правильное руководство в сложной ситуации имеет важное значение, чтобы объединить людей, воодушевить их, и сообща найти выход из ситуации. А тот руководитель, он всё один решал, и никаких других мнений слушать не желал, сам был сильно умный. В норме, дела надо делать вместе. Коллектив сила, если правильно его организовать и народ подобрался нормальный, понимающий и способный идти на компромисс ради общего дела. А для того «начальника» на первом месте был вопрос личного престижа. Уж очень хотелось свою власть показать над всеми. Ну и показал. И вот что из этого вышло.

Непогода

Мы так и продолжаем идти по замерзшей реке. Ощущение такое, что наша группа вышла давным-давно, хотя прошло только три часа, как мы на маршруте. Однообразие дороги не так чтобы удручает, всё-таки не по тротуару идём, надо посматривать под ноги, чтобы не провалиться, да и замёрзшие водопады не дают расслабиться. Больше докучает замкнутость, по крайней мере, меня – вокруг стеной стоит лес, и что там дальше, не видно.

Ещё часа через два деревья как-то разом проредились, и стали заметно ниже. Открылся вид на горный хребет справа от нас, снежные вершины которого скрыты облаками. Впереди, метров на четыреста вверх, возвышается голый и неприветливый отвесный склон горы, на котором даже снегу не за что зацепиться. Мы покидаем ложе замёрзшей реки, и забираем влево вверх. Довольно крутой склон сплошняком усыпан большими камнями, размером с рюкзак и больше. Пробирается по ним не очень удобно, всё время приходится помогать руками. Некоторые камни «живые», то есть начинают двигаться, когда пытаешься опереться на них. При этом раздаётся утробный каменный звук, сопровождающийся характерным скрежетом одного большого камня о другой. Мышкин, обнаружив такой неустойчивый валун, каждый раз с тревогой в голосе предупреждает об этом остальных. Наверное, это такой туристский этикет. Остальной народ как-то не придаёт этому никакого значения, и

продолжает молча и трудолюбиво карабкаться по склону. Со стороны мы напоминаем больших муравьёв, которые на четырёх конечностях упрямо следуют какому-то первобытному зову, влекущему их наверх. Большой опасности эти валуны не представляют, но лучше в таких случаях рассыпаться веером, чтобы, если такой камень покатится, ненароком не придавить идущего следом товарища по поискам приключений во льдах и снегах высокогорья.

Минут через сорок после такого увлекательного карабка мы попадаем в настоящую горную долину. Мне и правда было интересно лезть по этим камням, пробудилось какое-то детское любопытство - а что там, выше? Наверху, в долине, ещё можно изредка встретить низкорослые кустики, но, в общем, это уже настоящие горы. И от этого в душе появляется какая-то радость. Как бы теперь всё, теперь мы на месте, и начинается настоящий поход. А то, что было до этого, была просто необходимая прелюдия.

Почти отвесный, крутой склон горы, который мы видели снизу, остался справа. Долину ограждают не очень-то приветливые, дикого вида, заснеженные горы, скорее горные цепи, с разводами тёмно-серых скальных выходов, на которых из-за крутизны не держится снег. Эти горы уже внушают уважение, и как-то быстро понимаешь, что предстоящий поход по горам разительно отличается от нашего спокойного подъема по замёрзшей реке. Это была даже не разминка, а так, детская прогулка.

Погода как будто решила подтвердить эту мысль. Здесь, наверху, в отсутствие спасительной защиты леса, задувает хороший ветерок, метров до двадцати пяти в секунду. Заметно похолодало, и сухой и жесткий снег чувствительно сечёт кожу на лице. Наше счастье, что нам идти по ветру.

Мы вытягиваемся гуськом, и идём примерно посередине долины. И на меня вдруг находит странное состояние. Мне становится хорошо и уютно, а душу наполняет тихий беспричинный восторг. Как будто эта бесприютная горная долина мой родной дом. Я действительно чувствую себя отлично, хотя, казалось бы, чему тут радоваться - задувает чуть не штормовой ветер, метёт снег. Много чего скрыто в человеке. С точки зрения нормального обывателя, ну чему можно радоваться при таком раскладе? Что холодает на глазах? Задувает сильный ветер? Какое-то совершенно иррациональное чувство, но я даже не пытаюсь его осмыслить. Мне хорошо, и о чём ещё тут говорить? Глаза жадно впитывают суровую прелесть непогоды, угрюмость крутых заснеженных гор с серыми отвесными стенами. Чем дальше мы продвигаемся по долине, тем выше и круче становятся горы, и кажется, что долина сужается. А может, она и в самом деле становится уже. И как-то подбираешься изнутри, настраиваешься не то на борьбу, не то преодоление каких-то трудностей. Возникает чувство, что шутки кончены, теперь ничего игрушечного, всё по-настоящему. Это поход, настоящий горный поход, с возможным риском для здоровья и порой жизни, где требуются и силы, и умение выживать, порой в непростых ситуациях, и при этом двигаться и двигаться, преодолевая километр за километром, каждый день решая поставленные задачи и добываясь целей, невзирая на усталость, непогоду, холод. Это идёт изнутри, заложено в нашей человеческой природе, которая и позволила выжить и развиваться не таким уж сильным физическим существам. Так что не надо наступать на горло своей собственной человеческой песне, но прислушиваться к ней и следовать своим внутренним устремлениям, какими бы странными они не представлялись некоторым. Это их проблемы. А каждый человек должен делать своё дело, для которого он больше всего подходит, для чего его подготовила эволюция и предыстория его предков.

Как хотите, но это дни настоящей полной жизни, хотя многим такие слова могут показаться противоестественными – подумаешь, идёшь и идёшь себе по горам. Но так могут сказать только те, кто по горам, настоящим диким горам, никогда не ходил, кто не ощущал эту грань, которая отделяет наше обычное, без риска для жизни, существование в городах, от ситуации, когда само выживание становится вполне осязаемой, рутинной ежедневной задачей. Конечно, многие так думают, пребывая по инерции в благодушном уверенном состоянии, что ничего такого с ними не может случиться в горах. Эта слепая уверенность в том, что нам многое должно прощаться, заложено в нас жизнью в обустроенных городах. Но это самообман - реальные опасности гораздо ближе, чем многим это кажется. Если мы не забиваемся в щель, чтобы как-нибудь бочком прожить эту жизнь, то остаётся небольшой выбор – приходится всё время идти по грани. Можно привыкнуть и к этому, но суть дела не меняется – хочешь жить полноценно, отвечай за себя сам и ни на кого не надейся. И будь готов рисковать.

Озёра

Дело идёт к обеду. Уже несколько раз низкие облака накрывали долину, так что временами мы двигаемся в густом тумане. Ветер сильный, облака набегают внезапно. Ещё несколько секунд назад мы так весело топали по свежему скрипучему снегу, по обеим сторонам вздымались угрюмые горные хребты в беспокойной вуали кружащего снега, и вдруг всё жизненное пространство сворачивается как в какой-нибудь математической операции, до нескольких метров. И даже спина Серёги, идущего в нескольких шагах впереди, начинает расплываться в серой мгле. Один раз на нас нашло, видать, огромное облако. Мы шли и шли, а мгла не кончалась. В конце концов, Гена забеспокоился и достал компас. И всё равно мы упёрлись в итоге в скальную стенку. И откуда она тут взялась?.. Мы взяли влево; скоро облачность улетела вперёд, и нам открылся такой желанный жизненный простор. Ну, если не простор, то, по крайней мере, возможность видеть долину на двести-триста метров вперёд тоже чего-то стоила. В общем-то, понятно, что никуда мы не денемся отсюда, но и передвигаться галсами в тумане, тыкаясь, как слепые котята, в скальные стенки, тоже неинтересно.

Мышкин уже давно не то бредил, не то мечтал об еде. Он успел предложить вариантов пять обеденного меню, прежде чем нам попалась вросшая в снег и долину огромная скала, за которой, похоже, можно было укрыться от ветра и мелкого колкого снега - он не переставая сыпался из облаков. Ещё раньше мы подобрали остатки корявых стволов маленьких деревьев, измученных ветреным и холодным климатом гор, и быстренько соорудили из них костёр. На скорую руку сварили суп, побросав в него остатки копчёной колбасы и пару пакетов супового концентрата. Вскипятили чай, отогрели над костром замёрзший хлеб, и получилось вполне сносно; по крайней мере, появилось чувство сытости.

Народ, похоже, чувствует себя нормально. То чувство, о котором я уже говорил, что как будто подбираешься внутри, когда восприятие обостряется, распространилось, похоже, на остальных. Все выглядят и ведут себя как-то собранней - расчётливей, что ли. Перемена в поведении небольшая, но всё равно чувствуется. Нам остаётся пройти километров семь по долине, а затем надо будет уйти влево в другую не то долину, не то широкий распадок, и подняться вдоль двух горных озёр, и там уже по распадку подняться ещё до одного, совсем крохотного озера. Где-то возле него мы, скорее всего, и заночуем. План хороший, не

помешала бы облачность или ещё какие препятствия. Кто его знает, какие там могут быть сюрпризы.

Мы пакуемся, надеваем рюкзаки, и двигаемся дальше. Темп немного замедлился, усталость даёт знать о себе, да и подъём стал круче. Лямки рюкзака давят на плечи, и я периодически сдвигаю их то в одну сторону, то в другую. Мы помогаем себе ледорубами, опираясь на них, когда пробираемся по камням, а так несём их в руках. Пока идти нетрудно. До похода я два месяца почти каждый день проходил километров по шесть с рюкзаком, в который клал двухпудовую гирию. В двенадцатом часу ночи выходил из дома, и шёл вдоль подъездной железной дороги, которая шла вокруг посёлка, а потом выходил на старую взлётную полосу, которая упиралась в военный аэродром, и шёл по ней примерно два с половиной километра, до поворота на деревню. Взлётная полоса была уже за городом. Место, прямо скажем, глухое. С обеих сторон в темноте тянулись заснеженные поля, за которыми угадывался лес. В такое время, зимой, мало кому захочется гулять в таком месте. Так что чаще всего за всю дорогу я не встречал ни единого человека. Пару раз какие-то искатели приключений, по виду солдаты-самовольщики из аэродромной службы, пытались задраться, но каждый раз я вынимал из кармана полукилограммовый молоток, который на всякий случай брал с собой, и это помогало прояснить изначальное недопонимание реальной ситуации. Так что к походу физически я был готов, да и вообще всегда старался держать себя в хорошей физической форме. Привычка. Не думаю, что кроме меня и Коли остальные ребята занимались чем-то подобным при подготовке к походу. Коля, я знаю, для тренировки ходил по Иртышу. А скорее всего, не только для тренировки, просто душа его требовала преодолевать какие-то расстояния, обязательно с трудностями, и обязательно на природе.

Погода в горах меняется быстро. Разом куда-то делись облака, разъяснило, и над нами распахнулось начинающее вечереть холодное голубое небо. В самый раз! Мы как раз подходили к началу долины с цепочкой озёр, вдоль которых нам предстояло подниматься дальше, и надо было её не пропустить. В незнакомом месте в горах заблудиться проще простого, особенно когда попадаешь в горную страну, где природа-мать как нарочно создала каменный хаос. По карте вроде всё понятно, но на местности, стоит сместиться на двести метров, и ландшафт меняется порой неузнаваемо. Конечно, не все места такие, и когда горная цепь хорошо выражена, заблудиться сложно. Но в нашем случае промахнуться мимо нужного распада, как говорится, проще пареной репы.

Мы поднимаемся на небольшую каменную гряду, и вот перед нами первое озеро. Оно выглядят по-зимнему. Местами снег со льда сдуло, и его холодный и очень тёмный аквамариновый цвет вселяет ощущение какой-то невероятной заброшенности всего места. Долина и в самом деле выглядит как какой-нибудь марсианский пейзаж. Камни и снег, собранные в самых причудливых комбинациях, её единственные сокровища.

После камней идти по озёрам одно удовольствие. Надо только быть внимательнее в начале, где сочатся, а местами даже журчат, слабенькие от мороза ледяные струи и ручейки. Лёд в таких местах тонкий, и даже осторожный Коля едва не провалился, соскользнув с обледеневшего камня. От греха подальше мы с ним обходим такие места по прибрежным валунам. Остальные, глядя на нас, тянутся следом, и только упорный Мышкин продолжает движение по льду. Но чудес на свете не бывает. Для того, чтобы проскакать по обледенелым камням двадцать метров одного нахальства недостаточно, и в конце концов, раз провалившись, он тоже предпочитает неудобный, но зато сухой путь по прибрежным валунам. Да что там прибрежным! Вся долина засыпана ими! Местами, между озёрами, эти

валуны, наваленные друг на дружку, высотой по пояс, а то и по грудь. Но ничего, двигаемся как-то, кто как может. Я немного рискую, широко шагая с камня на камень, благо длина ног позволяет, зато передвигаюсь быстро. Гена предпочитает чаще сползать с одного валуна и снова залезать на следующий. Мы с Колей уже давно идём впереди. Остальные, похоже, подустали и тянутся сзади. Пройдя второе озеро, мы останавливаемся и поджидаем остальных. И тут я замечаю, что как-то очень быстро и сильно похолодало. Ветер просто ледяной, и только прыганье по камням не дало мне обратить внимание раньше. На вскидку, градусов тридцать мороза, и похоже на этом дело не остановится. С нашим снаряжением лучше бы было потеплее. Солнце уже снова упрятано не то горами, не то облаками, но пока светло, и у нас где-то часа полтора до темноты.

Подтянулся народ, и мы обсудили ситуацию. Резкое похолодание заметили все, но тем не менее решили двигаться до намеченной точки – маленького третьего озерка, уже в самом цирке. (Горный цирк, это когда долина или распадок упираются в тупик, так, что горы окружают с трёх сторон.) Завтрашний день и так обещает быть тяжёлым, поскольку нам придётся брать почти четырёхкилометровый перевал. И этот лишний час подъёма сделает его ещё более утомительным. Глядя, как подустал народ, я начинаю не то что испытывать беспокойство, но как-то понимаю, что физическая форма у некоторых, прямо скажем, не в пике.

Мы снова навьючиваем рюкзаки, и движемся дальше. Но что за дорога! Ни до ни после я больше никогда не встречал такого. Представьте стоящие стоймя каменные столбы яйцевидной формы, по два-три метра высотой, а между ними проходы, такие, что человек может протиснуться. И такая экзотика метров на шестьсот впереди, если глаз не ошибается. Как образовалось это творение природы, для меня до сих пор загадка. Скорее, в этом месте летом днём плюсовые температуры, а ночью подмораживает. Вода с окрестных хребтов днём течёт между этими валунами, ночью замерзает. Из-за этого процессы эрозии интенсивные, и в итоге вода промыла множество путей и образовала такое чудо природы. Даже несмотря на ледящий ветер, я озадачился происхождением этого каменного леса. Но идти через него, или по нему, непросто. Я ступаю по верхушкам камней, но это всё-таки рискованно. Пробую пробираться между ними, но продвижение сразу сильно замедляется. И я снова скачу по верхушкам каменных столбов. Коля следует моему примеру. Остальные комбинируют. Где расстояние большое, сползают между камнями вниз, а потом снова выбираются наверх.

Ночёвка на озере

Но рано или поздно всё кончается. Мы выходим к каменной гряде, наверху которой, скорее всего, наше озерко. После больших валунов подъём по осыпи из камней размером с рюкзак просто детская прогулка, и скоро мы выбираемся наверх. Ну и ветрище! А холодно-то как! И это при том, что от нас пар валит от тяжёлой работы. Спустя неделю рюкзаки полегчают, но пока их вес ощутим, особенно при прыжках по валунам. Я гляжу вниз, и в начинающемся снегопаде вижу часть распадка, по которому мы только что поднимались. Трёхметровые каменные столбы отсюда кажутся вполне безобидными, этакими болотные кочки, между которыми угадывается пустота. Но рассматривать горные пейзажи особо некогда, да и холодно. И мы побыстрее спускаемся на лёд, под защиту берега. Всё озеро метров семьдесят в длину. Лёд за зиму оседал, по мере того как падал уровень воды – зимой снега не тают. Первый уровень на высоте метра два с половиной надо озером; остатки

толстого обломанного льда аккуратно опоясали озерко. По-видимому, он долго висел, прежде чем рухнуть под собственной тяжестью, иначе рядом был бы другой похожий ледяной пояс.

Разглядывать всё это интересно, но непогода разыгралась не на шутку. Хорошо, нас загораживает сколько-то берег. Пока нам относительно везёт. И мы начинаем готовить установку палатки. Железа у нас хватает, мы тащим с собой альпинистские крючья, так что вколачиваем их в лёд, разворачиваем и ставим палатку, прикрепляя верёвки к вбитым крюкам. Пока мы этим занимаемся, подтягивается остальной народ, и сразу подключается к работе. Настроение немного возбуждённое, как будто даже рады непогоде. Может, так оно и есть, в конце концов, что-то заставило нас всех идти в поход, и может эта возможность испытать всё по-настоящему одна из причин?

Теперь надо приготовить ужин. И тут нас ждал сюрприз. Мышкин с Серёгой в Акдавураке взяли этилированный бензин для примуса. Ну что за разгильдяйство! В такую погоду о приготовлении пищи на улице не может быть и речи, и приходится разводить примус на этилированном бензине в палатке. Но этилированный бензин – яд, и я как-то плохо переношу этот удушающий запах. Остальные тоже не в восторге, но терпят эту отраву. Меня же почему-то прямо выворачивает. Химия такое дело, тонкое. В чём-то биохимия моего организма оказалась несовместимой с этим бензином. Мне становится совсем плохо, и я выползаю наружу. Постепенно стало немного легче. Минут пятнадцать выдерживаю непогоду, но потом ледяной ветер и мороз загоняют меня в палатку. Ну и душегубка! В конце концов суп из концентратов сварен, вода как бы для чая нагрета, и примус выключен. Но я, похоже, уже успел отравиться. Мне совсем плохо. Немного надо некоторым людям, вроде меня, чтобы полностью выбить их из колеи. А всё было так хорошо! Мы так весело поднимались по распадку; как горные козлы, скакали по камням, но в моём случае такой хороший день завершился совершенно бездарно из-за двух разгильдяев и нежного химического устройства моего организма. Снаружи завывает ветер, но в палатке хоть и холодно, но терпимо. Повозившись, устраиваемся на ночлег. Все устали, и как-то не до разговоров.

Спать я не могу, меня мутит. Промучившись часа два, и так и не заснув, выползаю наружу. Ветер не ослабевал всё это время. Надо мной чёрное холодное небо с застывшей на нём сияющей луной. Почти полная луна освещает хорошо, и мне видно озерко и за ним очертания крутых горных пиков. Из-за яркого лунного света и безжизненного горного пейзажа картина представляется какой-то неземной, нереальной. Но зато вполне реален чудовищный холод и пронизывающий ветер. Ну, это уже ниже сорока градусов, мне даже термометра не надо. Я предпринимаю попытку облегчить своё состояние рвотой, но лучше мне после этого не становится. Зато слёзы застилают глаза и я еле могу дышать. Пожевал снег, и полез в палатку. Сегодня я спал с края. Пока я созерцал лунные горные пейзажи, на моё место сполз Володя. Я втискиваюсь между ним и полотном палатки. Назад его вернуть не удаётся. Володя, намаявшись за день, спит как бревно. Так то бы оно ничего, но пенопластовый коврик остался под ним, и теперь я лежу фактически на льду, тонкий спальник и днище палатки в таких случаях не в счёт. Мой бок прижат к полотну палатки, и тоже мерзнет. Ну и дела!

И вот я лежу на спине, сна ни в одном глазу, и постепенно замерзаю. Я просто втаиваю в лёд, а тело постепенно промерзает. Я знаю, что температура тела падает. Хотя принято считать, что наша температура постоянна и равна тридцати шести и шести десятым градуса, на деле это не так. Известно, что от болезни она может повышаться. Но она может также

повышаться при сильной физической нагрузке, когда тепло не успевает отводиться, или когда слишком жарко. Но она может и уменьшаться, когда становится холодно. Во всяком случае, у меня такой механизм точно присутствует. В таких случаях тело остывает до какого-то предела, но ниже температура уже не опускается. Я не знаю, насколько, и было бы интересно измерить. Но то, что остывает, это точно. Когда после такого охлаждения начинаешь двигаться, всё тело будто «скрипит», как будто оно деревянное. Постепенно, в течение минут пятнадцати, этот «скрип» исчезает, тело разогревается, и начинаешь чувствовать, как кровоток восстанавливается до нормального. По-видимому, в таком замерзшем состоянии метаболизм обеспечивается не только аэробными, то есть с потребления кислорода, но в значительной степени неаэробными процессами обмена.

Медленно тянутся бессонные часы. Было бы мне ну хоть чуточку теплее, если бы лежал на моём коврикe не Володя, а я сам, может, и уснул бы под утро. Но когда спина вталяла в лёд, а бок через тонкую ткань палатки всё время ощущает леденящий морозный воздух снаружи, это невозможно, холод чувствуется так, что не забудешься. Наконец, в палатке начинает светлеть от занимающегося восхода. Ну и ночка! Отравление продолжает давать себя знать, хотя теперь это не воспринимается так остро. От бессонной ночи и холода все чувства как-то притупились, и я живу как бы «на автопилоте». Что-то там в голове функционирует, какая-то маленькая часть мозга, но не более того.

Очумелый от того, что всю ночь не спал, и последствий отравления, я выползаю на четвереньках наружу и в два приёма, небыстро, встаю на ноги. Ветер, если и стих, то совсем немного. На небе нет облаков, но воздух затянут дымкой. Мороз, похоже, с ночи не ослабел, и леденящий ветер просто перехватывает дыхание. Днём здесь, может, и потеплеет немного, но ведь мы поднимемся выше, где будет ещё холоднее. Так что рассчитывать на благоприятную погоду сегодня не приходится.

В палатке послышалось шевеление, раздался Серёгин голос, который спал с противоположного от меня края палатки. Тёплыми, ласковыми словами он отмечает необычно низкую температуру для этого времени года. По его версии, именно это обстоятельство, а также теснота палатки привели к тому, что его правый бок мёрз всю ночь, из-за чего он толком не выспался. Я его понимаю. На самом деле у Серёги было более выгодное положение – всё-таки он спал с подветренной стороны. Если бы он лежал на моём месте, думаю, речь была бы ещё более эмоциональной.

Пока приготавливали пищу, завтракали, укладывали рюкзаки и палатку, я немного отошёл от бессонной ночи. Жаль, день тяжёлый сегодня. Но раз уж так получилось, куда деваться. Навьючиваем рюкзаки и по скрипящему под ногами снегу, покрывшему озеро, отправляемся в путь. Отойдя немного, я оборачиваюсь. Ещё можно различить следы стоянки, но уже к вечеру позёмка занесёт следы нашего пребывания, и берег озера станет таким же девственным, как он был когда мы с Колей вчера спустились на лёд. С той стороны, откуда мы пришли, видно нагромождение гор с серыми проплешинами не закрытой снегом породы, но теперь уже не понять, где проходит распадок, по которому мы пришли. Пояс обломившегося льда, как бордюр, украшает крутой каменистый берег озера, приютившего нас на ночь. И в душе поднимается какое-то щемящее чувство. Может, от понимания, что уже никогда не увидит мне больше этого озера, что это мгновение жизни, украшенное суровой, первозданной красотой девственной природы, единственное и уже никогда неповторимое.

Перевал

Моё очумелое состояние мало-помалу облегчается. Движение разогрело тело, разогнало кровь, и стало легче. Термометра у нас нет, поэтому температуру определяем методом экспертной оценки. Каждый высказывает предположение, и затем результат усредняется. Теплее всего кажется Мышкину, по его мнению, сейчас минус тридцать семь градусов. Остальные единодушно решают, что никак не меньше сорока мороза. В общем-то, это не досужие развлечения. На ходу, когда занят преодолением трудного участка, можешь не уследить, и что-нибудь обморозить. А так, помня, что день холодный, будешь повнимательней. Всё-таки одеты мы не для такой погоды, легче, чем надо. В моём случае, надо будет особенно следить за ногами, ботинки у меня так себе, совсем не для этой погоды. Я хотя и поддел две пары носков, но пока мы сворачивали лагерь, ноги всё-таки замёрзли. Я отстаю от группы, и держась рукой за камень, попеременно делаю сильные махи то одной, то другой ногой. В полном соответствии с законами физики центробежная сила нагоняет кровь в конечности, и ноги немного отогреваются. Так я и буду потом делать махи ногами при каждом удобном случае, и только это и спасёт меня от иначе неминуемого обморожения.

Маршрут сегодня сложный. Несколько часов подъема, всё вверх и вверх, переходя с гребня на гребень и делая траверс по склонам, а потом мы должны выйти в горный цирк, из которого уже будем «брать» перевал.

Сегодня идти интересно. Почти всё время надо напрягаться, карабкаться вверх. Опасностей особых нет, надо просто посматривать, где идёшь, чтобы случайно не свалиться с крутого склона. Но даже и тогда максимум что можно повредить, это заполучить ссадины – склоны крутые, не настолько, чтобы не остановиться. Надо не растеряться, и побыстрее «зарубиться» с помощью ледоруба, пока не разогнался. Я люблю такие маршруты. Мне не нравится, когда надо карабкаться по скальным стенкам. И вертикальную высоту я как-то не очень переношу. Когда под тобой несколько десятков метров отвесной стены, чувствуешь себя каким-то не то чтобы беспомощным, но зависимым от случайностей. Твоя жизнь зависит от веревок и крюков. Да, снаряжение хорошее, но только всё равно не по себе. Не контролируешь ситуацию полностью. А может, это от отсутствия опыта. Но только приобретать такой опыт мне неохота. А так, как сейчас, лазить по горам, это нормально, это мне нравится.

Ножки мои, ножки... Замерзают... Как только вижу место, где можно стоять хотя бы на одной ноге и зацепиться руками за выступ, я начинаю делать махи ногами. Чувствую, как кровь постепенно, с каждым махом, приливает к уже плохо ощущаемым ступням. Мало-помалу начинаю снова чувствовать пальцы на ногах. Склоны крутые, но ровно настолько, что я чувствую себя на них уверенно. Будь чуть покруче, и было бы уже по настоящему опасно. А так ничего. Грань, почти грань, и я её хорошо чувствую. Пока делаю махи, поглядываю на парней. Если вчера, когда маршрут был относительно безопасный, напряжённости не чувствовалось, то сегодня уже по-другому. Каждый оценивает ситуацию по-своему. Кто-то преувеличивает опасность, а кто-то, наоборот, её недооценивает. Коля идёт собранно, внимание концентрировано, но внутри он спокоен, как гладь воды на летнем озере в тихое предзакатное время. Серёга подобран, и серьёзность ситуации вызывает у него скорее спортивный азарт. Мышкин, похоже, вообще не чувствует никакой опасности, привыкнув к высоте на своих стройках. Гена, по-видимому, вообще не думает об опасности, карабкается себе без всяких задних мыслей, и всё. Он, как и Мышкин, даже не представляет, что здесь можно свалиться и свернуть себе шею. Володя давно не ходил по горам, и, похоже, переоценивает опасность, и это видно по его напряжённым движениям. Вот это плохо, потому что боязнь, страх, ослабляют контроль над ситуацией.

Мы как раз делаем траверс вдоль крутого склона, переходя с гребня на склон, потому что гребень, по которому только что шли, уходит круто вверх. Фактически, на нём стоит огромная скала из более крепкого камня, так что эрозия её мало тронула по сравнению с окружающей породой. Склон состоит из сплошных выступов. Мы и двигаемся по ним, цепляясь руками за камни и пристраивая ноги на узких карнизах, на которые едва помещается один ботинок. За счёт крутизны склона снега не так много, видно выступы, и передвигаться несложно. Но надо быть внимательней, чтобы не сорваться. Мы делаем траверс по склону, и снова выходим на тот же гребень. Несмотря на физическую нагрузку, ощущение холода не отпускает. Тело, за исключением рук и ног, особо не мёрзнет, но ледяной воздух обжигает при каждом вдохе. Мы идём в тёмных очках, чтобы защитить глаза от ультрафиолета. Иногда я их снимаю, и тогда картина меняется. Природа выглядит более сурово, и то, что в очках воспринималось как дымка между двумя горными цепями, на деле оказывается угрюмой хмарой, похожей на надвигающуюся бурю.

Время подходит к одиннадцати, когда мы наконец выходим в цирк. У-ух! Впечатляет! Мы как будто находимся в кратере остывшего вулкана. Вокруг нас цепь неприветливых гор, а впереди высоко вверх уходит перевал. Высота, это ладно. Но эта крутизна, да при таком обилии снега... На деле всё оказалось серьёзней, чем это следовало из описания. Перевал выгнулся к нам дугой. Подход к нему ещё так-сяк, но потом сразу начинается крутизна, и чем выше, тем подъём становится круче. Гена с Володей обсуждают маршрут, разглядывая карту, мы стоим и слушаем. В конце концов Гена предлагает идти почти в лоб, взяв немного влево, а потом в крутом месте идти немного вдоль склона, постепенно поднимаясь вверх. Наподобие того, что мы делали, когда обходили скалу на гребне. Мы с Колей переглядываемся, и без слов понимаем друг друга – нам обоим такой вариант не нравится, и я осторожно подвергаю сомнению Генино предложение. Гена недоволен, здесь всё-таки он руководитель. Но мне на это наплевать. За мою жизнь я отвечаю сам, и не собираюсь передоверять её Гене. На таком склоне в конце зимы скопилась чёртова уйма снега. При такой крутизне, если мы не вызовем лавину в начале, передвигаясь вдоль склона, мы подрежем слой наста, и уж тогда мы скорее всего точно спустим на себя лавину. На этом перевале два года назад погибло несколько человек, надо было Гене получше подготовиться к нему. Но он упорно стоит на своем. К разговору подключается Коля. Мы показываем Гене на почти непреодолимую крутизну склона в последней трети предлагаемого им маршрута, но Гена явно недооценивает его крутизны. И тогда у меня зарождается подозрение, что Гена как-то не очень хорошо чувствует стереоскопию гор, что у него просто небольшие проблемы с бинокулярным зрением. Может, этим и объяснялось его спокойствие на склонах? В конце концов, очень неохотно, но Гена сдаёт свою позицию.

Мы с Колей предлагаем уйти далеко влево, и подниматься до гребня цирка там, где склон ещё не такой крутой. Затем, под защитой скал, цепочкой идущих пониже гребня, начать продвигаться вверх, уходя вправо. И уже от последней скалы, когда до седла перевала останется метров триста, карабкаться прямо вверх. Мы с Колей единодушны, что это самый безопасный маршрут, Серёга нас поддерживает.

Уже подъём до гребня показал, что взять перевал будет непросто. Мы проваливались в снег чуть не по бёдра, и чем выше мы поднимались, тем снега было больше. Вскоре мы уже брели по пояс в снегу, и склон становился всё круче и круче. Когда мы добрались до первой из цепочки скал, народ уже здорово подустал. А впереди было ещё минимум четыреста с лишним метров по вертикали, а это немало. Идти под защитой скал оказалось немного легче. Склон был крутой, и снега на нём было поменьше. Холод, похоже, только усиливался. Да

нет, холод был просто жуткий! Солнце светило с той стороны перевала, наш склон был в тени, как, впрочем, почти весь цирк. Я всё чаще делал махи ногами, но они быстро замерзали до бесчувствия снова. Мне даже трудно сказать, сколько длился подъём. Может, часов пять, но мне казалось, что вечно. К последней скале я шёл впереди. Как-то инстинктивно я сразу начал смещаться чуть правее, чтобы быстрее попасть под её защиту, на тот случай, если сойдёт лавина. И она сошла. Я уже был под самой скалой, когда раздался характерный звук, от которого наступает растерянность, потому что понимаешь, что что-то произошло, но не понимаешь, что именно. Последовала небольшая пауза, снег с правой стороны тронулся. Мы все находились под защитой скалы. Мимо, буквально в считанных метрах от нас, летел снег, поднималась всё выше мелкая снеговая пыль и лезла в нос, липла на лицо. Слышны были редкие утробные звуки камней, катящихся где-то там, в несущемся снегу. Слева от скалы небольшая лавина тоже сошла, но она была значительно слабее, фактически, сошёл лишь небольшой язык снега.

Лавина закончилась. Сползали только запоздалые струи снега, но и они быстро останавливались. Постепенно снежная пыль усела, но ещё долго в воздухе чувствовались мельчайшие ледяные частицы. Событие возбудило Мышкина. Только что он еле полз следом за мной, а теперь живо обсуждал увиденное зрелище. Цирк и так сверху выглядел неприветливо, а теперь, после схода лавины, внизу вообще царил какой-то туманный тёмно-свинцовый сумрак.

Я надеялся, что теперь, когда часть снега сошла, идти будет легче. Ничего подобного. Лавина только в малой степени задела намеченный нами маршрут – идти прямо вверх, на перевал. Снега осталось больше, чем нам бы того хотелось. И всё же этот участок был чуть менее крутой, чем тот, где сходила лавина. До этого мы шли в цепочке. Первый, по грудь в снегу, прокладывал траншею, сколько мог, а потом отваливался в сторону, уступая дорогу позади идущему. Но народ выдыхался всё быстрее, и впереди идущие менялись всё чаще. Мы с Колей как могли, тянули нашу группу, но в конце концов, к последней скале, выдохся и Коля. Надо было идти дальше, но все стояли, опустив глаза. Делать нечего, кому-то надо вытягивать нашу группу наверх. Я обогнул скалу и начал пробираться вверх. Следом за мной потянулся остальной народ.

Тут даже нельзя сказать, что я «карабкался». Я «плыл» в снегу. В книге о Тенцинге Норгее, покорителе Эвереста, описываются похожие эпизоды, когда они ничего не могли сделать в такой же ситуации, и вынуждены были поворачивать обратно. Такое сложно описать. Перед тобой снег по грудь, наступаешь на снег, пытаешься хоть как-то удержаться повыше на склоне, но ничего не помогает. Снег подо мной сползает, и я оказываюсь на том же самом месте. Под ногами нет опоры, никакой - всё плывёт! И я бессильно барахтаюсь в снегу, совершенно беспомощный на этом крутом склоне, заваленном снегом. Очень скоро я выдыхаюсь, и отступаю в сторону. Гена идёт следом. Он тут же останавливается, и тупо глядит себе под ноги. Остальные делают то же самое. Мои попытки как-то подвинуть Гену хотя бы немного пойти впереди ни к чему не приводят. Он стоит, как столб, и делает вид, что ничего не воспринимает. Или в самом деле дошёл до бесчувственного состояния? Ладно, чёрт с тобой, думаю я, и продолжаю прокладывать дорогу. Ещё несколько раз я пытаюсь заставить хоть кого-нибудь идти впереди, но тщетно. Вид у всех такой, что будто никто ничего не соображает, и всё, что они могут делать, это тупо следовать за мной. Мной овладело чувство какой-то остервенелости. Чёрт с вами, дойду я до этого перевала. И я начинаю ожесточенно торить дорогу вверх, уже не обращая внимания на идущих за мной. Я наваливаюсь на снег с вытянутыми вперёд руками, и сползаю с ним вниз. Затем, найдя опору на этом снегу,

поднимаюсь немного вверх, туда, где только что был сташенный мной вниз снег. Я уже не думаю о том, хватит ли у меня сил, а просто ожесточенно делаю эти движения, как автомат, иногда буквально по сантиметрам продвигаясь вперед.

Мне трудно сказать, сколько прошло времени, прежде чем я почувствовал, что подниматься стало чуть легче. Я глянул вверх. До перевала оставалось, может, метров пятьдесят по вертикали, и склон стал чуть положе. Но только чуть. И тут я почувствовал первый приступ тошноты. Но я не обратил на это внимания, и продолжал так же ожесточенно продираться вверх по грудь в снегу. На перевал я вышел ещё ничего. Тошнота не отступала, но было терпимо. Но буквально через несколько минут мне стало очень плохо. Такая дикая физическая нагрузка на этой высоте не прошла даром. В общем-то, четыре тысячи метров не такая уж большая высота, если успел акклиматизироваться, но на это надо несколько дней, которых у нас не было. И от недостатка кислорода при сильной физической нагрузке у меня началась горная болезнь. К нагрузке добавилась ещё и бессонная ночь, и всё вместе и привело к тому, что состояние моё очень скоро стало хуже некуда. Меня выворачивало наизнанку; тошнота была такая, что я еле стоял на ногах. За всё надо платить. Пожалел кого-то, ну так сам и расплачивайся. Всё нормально, пенять не на кого.

Постепенно остальные следом за мной выбирают на перевал, и как-то сразу оживают. И откуда силы взялись?! Ещё недавно шли за мной, как сонные мухи, еле ползли в снегу, а теперь разговаривают вполне нормальными голосами. Моё состояние нельзя не заметить, меня то и дело «поласкает», теперь уже желчью. Поставили диагноз, «горная болезнь». Вот спасибо, а то я сам не знаю, что со мной произошло. Ладно, теперь просто оставьте меня в покое. Сейчас мне ни до кого.

У меня нет никакой обиды - в конце концов, я сам решил подниматься впереди. А вообще ситуация интересная. Вот так и познаётся человеческая природа. Мы же животные, разумное начало в человеке слабенькое, и как только чуть «поприжало», тоненький налёт разумного быстро улетучивается. Вот такие мы, люди. И значит ожидать от нас особо нечего. Вот только не надо морочить голову, что мы «разумные». Далеко не все. И даже те, о которых такое можно сказать, ведут себя разумно только в узких рамках, когда ситуация более-менее благоприятная и можно себе позволить проявить какие-то разумные человеческие качества, какую-то социальность. Я потом имел возможность многократно убедиться в правоте своих мыслей, которые тогда, на перевале, пришли мне в голову.

Здесь, наверно, светит солнце, и от него стало теплее. И даже в моём плачевном состоянии я не могу не заметить красоту гор. Эх, если бы не горная болезнь, какие бы глубокие, волнующие чувства сейчас поднимались в моей душе! Я бросаю взгляд в сторону горного цирка, из которого мы пришли. Ну и неприветливое же место! Сумрачное, и даже отсюда чувствуется, как оно пронизано ледящим холодом.

Склон, по которому нам надо спускаться, сияет на солнце девственной белизной снега. Мы надеваем рюкзаки, и Гена снова предлагает мне прокладывать дорогу, теперь уже вниз по склону. Ну что за народ! Вот уж точно, дай человеку послабление, сделай ему что-то хорошее, он тут же примет это как должное, и уже будет считать, что отныне ты обязан это делать всегда. Я не очень вежливо посылаю Гену подальше, и Коля первым начинает спускаться вниз. Теперь, вниз, идти не трудно. Склон этот положе, чем тот, по которому мы только что поднимались. В одном месте Володя оступается и летит вниз, но быстро «зарубается» и останавливает падение. Впрочем, спуск неопасный, далеко по такому склону всё равно не улетишь; как-нибудь, да остановишься, если специально не кувыркаться. Снег глубокий, и повредиться при падении сложно.

К закату солнца мы успеваем спуститься на пологий и довольно широкий в этом месте гребень, с которого видно живописную, уходящую вниз горную долину, покрытую снегом. Возле скалы, напоминающей с этой стороны огромный треугольный парус, мы находим относительно ровный участок, на котором можно поставить палатку. Расчищаем место от снега, и скоро стоянка приобретает жилой вид. Еду готовим снаружи. Мне хоть по-прежнему плохо, но я через силу заставляю себя выполнять необходимую работу, как могу. Не сидеть же сложа руки в сторонке, всё-таки не на прогулке в парке. В походе каждая пара рук нужна, каждому дело находится. Пока готовим ужин, ставим палатку, каждый делится своими впечатлениями о сегодняшнем дне. И по разговорам стало понятно, что на подъёме каждый в той или иной степени испытал чувство, что подняться не удастся, уж очень тяжело было передвигаться в снегу. Гена вообще собирался поворачивать обратно. Понятно. То есть всё-таки это я вытянул группу на перевал. Но никто об этом даже словом не обмолвился, вроде, что об этом говорить. А зря. В моём плачевном состоянии слово благодарности не повредило бы. Но никому такая мысль в голову не приходит. И что я сегодня такой чувствительный?.. Это от болезни, а так вряд ли бы я обратил внимание на эти мелочи.

Попытка поесть для меня оказалась неудачной. Уже после первых ложек меня вывернуло наизнанку. Благо, я успел метнуться в сторону, чтобы не испортить аппетит компании. Ну ладно, придётся немного попоститься, пока легче не станет. Прежде чем заползти в палатку, я ещё раз бросаю взгляд на сумеречную долину, и даже в моём состоянии не могу не отметить её тревожной дикой прелести.

Второй перевал

Как ни странно, но большую часть ночи я спал. Проснулся, чувствуя слабость, но, по крайней мере, особо не тошнило. Снаружи задувал ветер, но не такой сильный, как в предыдущий день. Погода, похоже, налаживалась. Светало. Я потихоньку, стараясь не тревожить остальных, выполз из палатки. На востоке занималась утренняя заря. Небо вверху имело чуть уловимый зеленоватый оттенок. Наверное, от мороза. Холод не был таким лютым, как вчера, но градусов под тридцать было. Долина была залита мраком, и видны были только цепочки хребтов со снежными вершинами, слегка освещёнными восходом. Я застыл и любовался этой картиной, пока окончательно не продрог, после чего снова заполз в палатку. Вскоре и остальные проснулись и начали вставать. Надо было готовить завтрак, разбираться с маршрутом на день, и так далее – обычная походная рутина, когда на каждое дело приходится тратить усилий в три раза больше, чем в обычной жизни, будь то приготовление пищи, надевание ботинок, смена носков.

Сегодня нам надо спуститься немного в сторону долины, а потом снова идти вверх, чтобы взять ещё один перевал, немного ниже, чем накануне, и судя по карте, не такой крутой. Так что вскоре мы уже были на маршруте. Взошло солнце, и то ли действительно стало теплее, то ли его присутствие подействовало психологически, но только мороз уже не так чувствовался, и дышать можно было без напряжения, не обжигая лёгкие. По мере того, как мы спускалось, даже снега становилось меньше, так что идти было относительно нетрудно, где-то по колено в снегу. После вчерашнего подъёма это было детские игры.

Но вот мы дошли до места, с которого начинался подъём на перевал. В отличие от вчерашнего маршрута, когда мы фактически преодолевали гребень горы, сегодня нам надо было пройти между двумя горами. Перевал выглядел, как большая зазубрина, края которой образованы довольно крутыми гребнями двух соседних гор. Мы остановились, и стали

прикидывать, где лучше пройти. Склон горы слева был чуть положе, но и снега на нём было больше. Так, на глаз, возможность схода лавины была, но именно в этом месте небольшая. Я, что называется, печёнкой чувствовал, что большой опасности нет. На сей раз Гена не так уверенно предлагал маршрут, скорее выносил на обсуждение своё предложение. Между горами образовалось небольшое, но глубокое ущелье. Гена предлагал подниматься по правой стороне этого ущелья, а потом идти прямо вверх. Особых возражений ни у кого не было; в принципе, предложение было нормальное. С правой стороны видны выступы породы, значит снега там поменьше, хотя это же означало, что и склон там круче. В бинокль можно было различить множество уступчиков и карнизов на этом склоне, а ближе к началу ущелья шла неровная цепочка скальных выступов, высоту которых с такого расстояния было трудно определить. Скалы заслоняли друг друга, поэтому было невозможно понять, есть ли между ними проход, и это было единственное обстоятельство, которое смущало меня. Но сам маршрут был, конечно, интересней. И мы пошли направо, обходя ущелье, и одновременно поднимаясь на склон горы. Чувствовал я себя уже более-менее, и хотя слабость и тошнота оставались, по сравнению с утром состояние улучшилось.

Я представил, как сверху выглядит наша цепочка. Крохотные тёмные точки на белом снежном фоне огромной горы, которые как будто стоят на месте, таким медленным, наверное, кажется наше движение сверху. Но здесь, внизу, наше движение заметно. Мы также по очереди прокладываем тропу в снегу. Снег немного выше колена, и идти нетрудно. Я не делаю скидки на моё состояние, и топчу дорогу наравне со всеми.

Но вот склон стал круче, и начались выступы и карнизы. Мы на всякий случай связываемся верёвками, в три связки. Здесь надо быть поосторожней. Свалишься, будешь катиться до дна ущелья. Мы с Колей пошли впереди. Меня прямо тянет к камням и скалам, откуда-то изнутри поднимается желание полазить по ним, так что я даже временами забываю о своём состоянии. Впрочем, ненадолго, тошнота и слабость очень скоро снова дают о себе знать. Мы карабкаемся по уступам, обходим каменные выступы, и постепенно приближаемся к скалам, на которые я периодически поглядываю, задирая голову вверх. Мне и интересно быстрее до них добраться, и в то же время не отпускает подозрение, что там может не быть прохода. Мы благополучно проходим несколько скал, пробираясь по камням возле них, и вскоре упираемся в скальную стенку высотой метров десять-двенадцать. Вот чёрт! Я начинаю рыскать вокруг, ища, нет ли где прохода, но, похоже, другого пути нет. Можно подняться вверх по крутой расщелине, но тогда мы попадём к основанию другой скалы, и есть ли там проход, сказать нельзя, снизу не видно. Я всё-таки поднимаюсь по расселине на несколько метров, в надежде разглядеть, что там дальше, но всё что я вижу, это продолжение другой скальной стенки. Я спускаюсь вниз и докладываю результаты обследования подтянувшимся участникам группы. Делать нечего, придётся карабкаться по стенке. Это именно то занятие, которое я так не люблю!

Мы снимаем рюкзаки и начинаем доставать железо для восхождения. И начинается нудная работа по вбиванию крюков, и мы помаленьку навешиваем верёвки, меняясь на стенке. То ли от высоты, то ли от недавней болезни, но только когда была моя очередь, рука быстро устаёт вбивать крюк, и мне приходится несколько раз отдыхать, прежде чем я могу продолжать работу. С подъёмом по стенкам такое дело. Редко будешь бить крюки, далеко придётся лететь, если сорвёшься. Начнешь забивать часто, медленно будешь подниматься. Выбираешь что-то среднее, в зависимости от рельефа стены. Но, в общем, дело у нас идёт споро. Вот Коля исчезает из виду, выбравшись наверх, забивает где-то там последний крюк, и «лифт» готов. Правда, вместо мотора будут работать наши ручки и ножки. Мы вытягиваем

сначала наверх рюкзаки, а потом поднимаемся сами и выдёргиваем верёвки, какие можем. Сверху высота кажется не такой уж маленькой.

И снова мы карабкаемся по камням, осторожно пробираемся по карнизам, цепляясь руками за выступы, и постоянно подстраховывая друг друга. По пока всё обходится без приключений. Когда я в очередной раз поднимаю голову, то с удивлением обнаруживаю, что перевал уже не так уж далеко. Увлёкшись лазанием по камням, я как-то даже не замечаю время. Перед самым перевалом нам опять встречается скальная стенка, мы идём вдоль неё вправо и вверх, и находим несколько выступов, по которым вроде бы можно подняться. Я подсаживаю увесистого Колю, который, тем не менее, легче меня. Он забирается на первый выступ, закрепляется на нём, и помогает подняться мне. Потом так же мы перебираемся на следующий выступ, и так до конца, пока не вылезем наверх. Крюк бить неохота, и мы наматываем верёвку на каменный выступ, и сбрасываем её вниз, чтобы остальные могли подняться. Вскоре мы все в сборе, собираем верёвку, а до перевала остаётся совсем чуть-чуть.

И вот мы стоим на перевале, с которого открывается великолепнейший вид на две величественные горные долины. Впереди самая настоящая горная страна с зазубренными пиками гор, покрытых вечными снегами. Ниже пиков нагромождение гор не таких высоких, и в самых причудливых комбинациях. Позади нас долина, откуда мы пришли. По сравнению с тем, что открылось нашему взору впереди, она кажется мирной и теперь даже уютной. Всё познаётся в сравнении.

Полубовавшись на горные виды и передохнув, мы начинаем спуск. Он крутой, но терпимо, верёвки нигде навешивать не надо. Мы по-прежнему идём в связках, и предосторожность не лишняя. Склон такой, что можно и не остановиться, если слетишь, да и торчащие камни при падении представляют серьёзную опасность. Когда впереди спускается Коля, я собираю веревку в руку, и закрепляюсь, чтобы, если он сорвётся, задержать его падение, и самому не сорваться. Потом мы меняем ролями. И так постепенно мы проходим крутой участок и выходим на более пологий склон. Снимаем рюкзаки и ждём остальных, упав спинами на снег и обсуждая, где лучше идти дальше.

Первыми появляются Серёга с Геной, а вскоре «на пятых точках» к нам скатываются с весёлыми возгласами Мышкин с Володей. Теперь все в сборе, и можно обсудить дальнейшие планы. Решаем пообедать, для чего быстро топим снег на примусе и, припивая тёплой водичкой, съедаем свой сухой паёк. Я ем осторожно, опасаясь, как бы желудок не передумал насчёт пищи, принимать или нет. Но вроде обошлось. Без движения мороз очень скоро даёт о себе знать, особенно быстро это чувствуют ноги, по крайней мере, у меня. Мороз может и не тридцать градусов, но что-то около этого, и даже горячий Мышкин на сей раз соглашается с остальными. Но зато ветер сегодня терпимый.

Мы смотрим последующий маршрут по карте. На сей раз нам надо спуститься пониже в долину, на высоту около трёх тысяч метров, и где-то там надо будет переночевать. На следующий день нам надо пройти по долине, скорее горному распадку, километров двенадцать, и снова идти на перевал. Судя по густоте линий горизонталей, подъём довольно крутой. Где-то недалеко от перевала нам надо будет разбить лагерь, и из него взойти на первую вершину. Вроде всё понятно, пошли. И мы навьючиваем рюкзаки, и продолжаем спуск. Ноги у меня окончательно замёрзли, и, найдя удобное место, где я могу руками держаться за камни, делаю махи ногами до тех пор, пока снова не начинаю ощущать пальцы ног, после чего бросаюсь вдогонку за парнями, ушедшими вниз по склону.

Мы чуть было не дали маху на спуске, но, как говорится, «чуть» не считается. Гена, невнимательно посмотрев карту, перепутал немного направление, и повёл к началу не того

распадка. Уклон становился всё круче, и мы забеспокоились, как бы нам не свалиться в какую-нибудь пропасть вместе с кучей снега. Мы заставили Гену достать карту и начали разглядывать её, пытаясь сориентироваться на местности. На карте должен был быть виден характерный скальный выступ в горе справа от нас, но с нашего места мы его не видели. Я начал сличать карту и наше местоположение. В конце концов, сориентировались, и поняли, что мы идём немного в другую сторону, к очень крутому склону. Фактически, к пропасти, в которую мы, похоже, уже начали спускаться. Ещё сотня метров, и мы бы полетели вниз. Гена и сам вскоре сообразил, куда он нас вёл. Мы молча разворачиваемся и поднимаемся по нашим следам вверх по склону.

В горах расслабляться нельзя. Казалось, мы только что преодолели две скальные стенки, «взяли» серьёзный перевал, благополучно спустились вниз по крутому склону, и тут же, чуть ослабив внимание, чуть не улетели в пропасть. Прямо не по себе от такого недостойного легкомыслия. Досадно.

Мы подходим к началу нужного нам распадка, который на поверку оказывается расщелиной, и, страхуясь, осторожно заглядываем вниз. Да-а! Вот это местечко! Если когда мне придётся описывать спуск в преисподнюю, не надо будет напрягать своё воображение. Достаточно вспомнить это место. Крутые, местами почти отвесные, стены узкого ущелья изрезаны вдоль и поперёк трещинами и расселинами, со сплошной чешуёй каменных выступов всевозможной формы. Дно ущелья не видно, оно скрыто от нас таинственным мраком. А может, и не таинственным, и это ощущение тайны порождено моим воображением. Или желанием увидеть что-то необычное. Приглядевшись, мы рассмотрели совсем неплохой маршрут для спуска. Метрах в тридцати внизу вдоль левой стенки шла полочка, которая постепенно спускалась вниз. Как именно далеко, разглядеть было невозможно. Странно было обнаружить среди этого хаоса и нагромождения камней такой путь. Правда, до полочки пришлось опускаться на верёвках, но зато нам потом удалось по ней сойти вниз, до дна ущелья, пока не начались валуны. Они были самого разного размера, некоторые крупные, размером по пояс, а то и по грудь. Камни были завалены снегом, и идти было не очень удобно. Наступаешь, и не знаешь, то ли найдешь ногой опору, то ли провалишься до бедра. Так мы и пробирались по снегу через эти валуны до самого выхода из ущелья. Там расстояние-то было метров шестьсот-семьсот, но мы замаялись, трудно было идти. Прибавьте к этому полумрак, царивший в ущелье, неприветливые нависшие над нашими головами тёмные стены, и вы поймёте нашу радость, когда наконец-то впереди мы увидели просвет. Стены ущелья постепенно раздвинулись, и мы оказались в распадке, заваленном каменными осыпями. Снега было относительно немного, чуть пониже колена, так что дальше идти было и веселее и быстрее.

Нам хотелось уйти подальше по долине, чтобы завтра иметь резерв времени для перевала, но скоро стало понятно, что на сегодня нам хватит ходьбы по горам, всё-таки усталость давала о себе знать, и мы решили остановиться. Метров через пятьсот нашли удобное место, относительно ровная площадка под скалой, и стали разбивать лагерь. Спустя час мои спутники спали, как говорится, без задних ног. А над долиной носился холодный, одинокий и бесприютный ветер, теребя полотнище палатки, да раздавались какие-то странные, непонятного происхождения, звуки. Не то снег оползал на склонах, не то где-то далеко срывались камни. Но что я точно знал, это то, что кроме нас в этой долине не было ни единой человеческой души, и в этом плане опасаться было абсолютно нечего. И с этой мыслью я провалился в сон.

К вершине

Описывать следующий день в деталях, наверное, не стоит. Хотя и этот день остался памятным для меня, и поскольку я чувствовал себя довольно сносно, моё восприятие было больше открыто эмоциям, которые вызывали великолепные горные виды. Это не было виды, которые можно увидеть на картинках, когда величественные горы возвышаются во всей своей красе на фоне голубого безоблачного неба. В моём случае это были больше неожиданные ракурсы уходящей вверх горной долины, какая-нибудь неприступная скала, почти полностью перегораживающая ущелье, или цепочка не то огромных валунов, вросших в землю, не то небольших скал, между которыми нам приходилось зигзагами пробираться по колена в снегу, будто в каменном лесу.

Понимая, что день предстоит тяжёлый, мы вышли со стоянки затемно. Рассвет только чуть забрезжил, но в темноте уже можно было различить дорогу. К девяти часам мы подошли к подножию перевала, и где-то часа в четыре «взяли» и сам перевал. Подъём был средней сложности. Почти всё время мы шли в связках, пришлось много карабкаться по камням, зато не было стенок и нам ни разу не пришлось воспользоваться верёвками. Я так увлёкся лазанием по камням, что для меня была некоторая неожиданность, когда подъём закончился и дальше подниматься было некуда - мы вышли на перевал. Большую часть склоны были довольно крутыми, так что маршрут почти всё время держал в напряжении, и время бежало незаметно. Погода была неплохая. Пару раз сквозь быстро несущиеся облака проглядывало солнце. Температура так и держалась около тридцати градусов мороза. Хороший был день. Такой... Как бы правильно сказать, неповторимый.

Мы не хотели спускаться далеко вниз после перевала. Как я уже говорил, на следующий день с того же гребня мы должны были взойти на первую из намеченных вершин. Но мы шли вниз, и как-то всё не находили места, где можно было установить палатку. В конце концов, мы решили поставить её на относительно широком выступе с небольшим уклоном как бы внутрь, так что с него нельзя было скатиться вниз. Мы как могли утрамбовали ногами площадку, а кое-где подсыпали снега, чтобы хоть как-то выровнять поверхность выступа, и на утопанную поверхность поставили палатку. Один бок палатки прижался к каменной стене, а другой находился в полуметре от края выступа, под которым было метров семь воздушного пространства. Это была не самая удобная ночёвка, но вряд ли можно было найти на такой высоте что получше. И хотя Серёга с Мышкиным для порядка добродушно поворчали, устраиваясь на ночлег, все понимали, что на сей раз лучше потерпеть неудобства ночлега, чем завтра набирать по вертикали лишние двести-триста метров.

Наутро нас ждало два сюрприза. Во-первых, испортилась погода. Ветер за ночь усилился, и для подъёма на гору это служило дополнительным препятствием. Периодически налетали облака, так что даже на нашей высоте, пока мы приготавливали завтрак, нас то и дело накрывало облаками. И ещё снова похолодало. Гена и Мышкин выглядели какими-то квёлыми. Не то заболели, не то переутомились вчера. Я не один заметил это. Коля, видно из тех же соображений, деликатно осведомился у Гены, как тот себя чувствует. Гена напрямую сказал, что не очень здорово. Мы посоветовались, и решили, что пусть Гена с Мышкиным остаются сегодня в палатке, а мы вчетвером пойдём на гору. Видно было, что такое решение пришлось Гене по душе. Переходы и перевалы давались ему нелегко, я это видел. Гена молодец, терпел, и порой к вечеру можно было заметить, что он идёт, как говорится, на одних «морально-волевых».

Мышкин, в отличие от Гены, явно огорчился, что не сможет пойти на вершину. Но у него, похоже, была температура. Даже сквозь его задубелую кожу на лице проглядывал лихорадочный румянец, и его явно знобило. Какой из него сегодня восходитель. «Сиди уж в палатке», - сказали мы ему. Мы взяли с собой немного еды, снаряжение для восхождения, сразу одели на ботинки «кошки», и вылезли из палатки на ледящий ветер. Мышкин вышел нас проводить, и когда мы отошли метров на тридцать, я обернулся и увидел, что он всё ещё стоит на ветру, в какой-то растерянной позе, как будто решает, не пойти ли ему вслед за нами. Как-то не ожидал я от него такого, мне он казался более беспечным. А ему, видать, нужен был этот подъём. А для чего, кто же знает. Я вот тоже хочу добраться до вершины. Меня, конечно, привлекает сам процесс лазания по камням. Но и на вершину взойти тоже хочется. Как бы поставил задачу, и выполнил, и это приятно. «Конец – делу венец», - говорит народная мудрость. А чтобы добраться до этого конца, порой приходится приложить усилий в десять раз больше против того, как оно представлялось в начале. Потому и доходят до цели один из десяти, а то и меньше. Какая цель ещё, от этого тоже зависит, какой отсев будет.

Двумя связками мы быстро вышли на перевал и, не останавливаясь, пошли по гребню. Если бы не сильный с порывами ветер, почти встречный, идти было бы ничего. Но гребень был узкий, и при порывах ветра приходилось напрягаться, чтобы устоять на ногах. Снег на гребне был плотный, и в «кошках» идти было удобно. Вначале и справа и слева склоны были умеренно крутые, так что если упадёшь, можно зарубиться ледорубом при падении. Но затем склон слева постепенно стал очень крутой, и мы инстинктивно жались вправо - туда, где склон был чуть положе. На пути нам периодически встречались «жандармы», большие каменные столбы, которые мы обходили по склону, а так подъём проходил без приключений. Мы забирались всё выше и выше. Окрестные горы постепенно уходили вниз, и открывался всё более далёкий вид на окружающую горную страну. Облака по-прежнему иногда налетали, но ветер быстро уносил их, и вообще их стало меньше, чем с утра. Гребень становился постепенно круче, и теперь мы больше не шли, а карабкались по камням. В один из моментов мы поднялись как бы на небольшую вершину на гребне, и нам стало видно основной пик. До него оставалось не так уж далеко, может, метров двести пятьдесят по вертикали. Погода налаживалась, и пару раз проглянули кусочки голубого неба. Главное, облаков стало меньше. Я ещё отметил, что подъём проходит хорошо, как-то всё пока идёт гладко. И для меня это служило больше сигналом, что не надо расслабляться. Мы не в таком месте, чтобы не ожидать сюрпризов. Ещё накануне я внимательно прочитал описание маршрута, сделанное альпинистами, поднимавшимися здесь четыре года назад. Судя по их описанию, подъём был серьёзный. И у меня не выходило из головы упоминание о месте, где гребень становится крутым с обеих сторон, и надо проходить этот участок по снежному карнизу. Но пока мы до него не дошли.

Мы в связке с Колей были впереди, когда добрались до этого места. Было такое ощущение, что часть гребня просто отвалилась, образовав острое лезвие на протяжении метров двадцати. Пройти в этом месте по гребню было невозможно – слишком узко, да ещё гребень поднимается уступами. Никакого снежного карниза не было в помине. Гребень немного закруглялся в этом месте вправо, так что мы могли полностью видеть только одну сторону. С другой стороны, метрах в пяти внизу, было что-то вроде узкой полочки, и в принципе это мог быть вариант для обхода. Но было неясно, какая ситуация за поворотом. Справа мы, по крайней мере, видели весь участок. Чтобы понять, в какую ситуацию мы попали, представьте себе внутренний склон вулкана с крутой, чуть ли не вертикальной, стенкой. И вот по такой стенке нам надо как-то преодолеть метров двадцать, и при этом ещё

подняться вверх метров на шесть-семь. Пока мы разглядываем препятствие, появляются тяжело дышащие Серёга с Володиёв. Посовещавшись, решаем навешивать верёвки с правой стороны, где видно весь участок. Было бы сегодня ну хоть чуть теплей! У меня опять проблема с замерзающими пальцами на ногах, которые приходится постоянно отогревать махами при каждом удобном случае.

Первым на стену отправляется Коля, а мы его страхуем, для чего я подцепляюсь к Володе с Серёгой. После Коли моя очередь. Распластавшись на стене над пропастью, я вбиваю несколько крюков, и возвращаюсь назад. Серёга вбивает два крюка от того места, где я закончил, и мы видим, как он начинает подниматься вверх. Непонятно, зачем он это делает, ведь можно сорваться, хотя тот участок чуть менее крутой. Крюк, конечно, задержит, но сколько-то Серёга всё равно пролетит. Рискует парень. Мы кричим ему, но он, похоже, не слышит, и так и продолжает подниматься, пока не добирается до гребня уже на той стороне. Там он забивает крюк, и путь готов.

До вершины нам встретилось ещё несколько трудных мест, но такого уже не было. В одном месте мы вбили три крюка, чтобы обойти очередной каменный столб, но это больше для того, чтобы удобней было возвращаться назад - там было довольно круто. Я в очередной раз поднимаю голову - вершина уже совсем рядом! Спустя несколько минут мы с Колей стоим наверху - дальше идти некуда, мы в самой высокой точке. Вскоре поднимаются и Володя с Серёгой. На наше счастье, облаков не так много, и в некоторых направлениях видно далеко-далеко. Коля делает круговую съёмку, чтобы потом доказать, что мы были на вершине. Находим банку с запиской тех туристов, чьим описанием маршрута мы пользовались. С тех пор сюда никто не поднимался. Странно. А может, и пытались, но повернули назад из-за того места, где узкий гребень. Любителей вбивать крюки над пропастью не очень много. Я тоже не из их числа, но так не бывает, что делаешь только то, что нравится. В любом деле есть рутинная работа. Я смотрю кругом, как будто «впитывая» в себя вид заснеженных горных пиков и цепей, и душу наполняют какие-то хорошие щемящие чувства. Можно разглядеть большое озеро, которое уже в Монголии.

Мы довольно быстро закоченели на ветру, пора отправляться в обратный путь. Спуск проходит без проблем. Усталость чувствуется, всё же сегодня нагрузка была хорошая. На спуске стали быстрее замерзать ноги, и я всё чаще останавливаю Колю, чтобы сделать махи ногами. У Коли ноги тоже мёрзнут, но не так, как у меня, обувь у него получше. Мы аккуратно перебираемся через «Лезвие», как мы назвали место, где навешивали верёвки, выдергиваем их, сворачиваем, и двигаемся дальше. Ветер теперь дует почти в спину, и по крайней мере лицо не так мёрзнет. Вот и перевал, с которого мы начали подъём. Разумеется, никаких следов нашего пребывания, все давным-давно занесено и пригладено ветром. Подходят Володя с Серёгой, и я замечаю, что Володя идёт как-то неуверенно.

- «Володь, что случилось?» - спрашиваю его, наклоняясь на ветер в его сторону.

- «Да с ногами что-то. Не заметил, отморозил, что ли, где-то на спуске».

Мы спускаемся вниз по склону, чтобы хоть немного уйти от ветра, и там Володя разувается, чтобы растереть ноги. Однако они в таком состоянии, что растирка уже не поможет. Прихватило большую часть обеих ступней и, видать, он уже давно идёт с обмороженными ногами. Занялся бы он ими раньше. Но я знаю, почему так случилось - он слишком сконцентрировался на спуске, и перестал контролировать остальные факторы. Но теперь что-то советовать бесполезно. Володя отогревает ноги с нашей помощью, обувается, и мы продолжаем спуск.

Вернулись мы когда уже начало смеркаться. Мышкин с Геной нас радостно встречают. Гена говорит, что Мышкин нас уже давно ждёт, даже снаружи стоял, всё высматривал, не идём ли. Но радость встречи и возвращения омрачена тем, что Володя обморозил ноги. Серёга тоже немного отморозил ступни, но не сильно, он-то сможет продолжать идти, но Володя, я так подозреваю, вряд ли. Утром будет видно, но я чувствую, что ситуация складывается серьёзная. С такими ногами он не ходок, и не только по горам.

Выход

Проснувшись, я первым делом интересуюсь Володиными ногами. Сидя на спальном мешке, он показывает распухшие сине-багровые ступни. Вариантов особых нет, надо выходить с маршрута. Вопрос, всем вместе, или Володе и ещё кому-то. И я понимаю, что этот поход для меня закончился. Я его не оставляю в таком состоянии. В итоге решаем, что мы с Володей идём на выход, а остальные продолжают двигаться по маршруту. Мы намечаем самый короткий путь, с тем, чтобы в итоге выйти к тувинскому селению Эрги-Барлык. Коля отдаёт нам свою карту, мы берём себе минимум продуктов и два спальника, чтобы соорудить из них какую-то крышу над головой. Почти вся поклажа входит в мой рюкзак. И мы отправляемся в путь. По нашим расчётам, за три дня мы должны добраться до села, но это если Володя сможет идти. А иначе... А что иначе? Какие у нас есть ещё варианты? По мне, лучше бы всем уйти с маршрута. Тогда, если Володя не сможет идти, все вместе мы бы его донесли. А иначе его придётся нести мне, одному, а далеко ли я смогу с ним уйти? Вес у него немаленький, за восемьдесят. Но Володя не хотел, чтобы из-за него не состоялся поход, и заверил остальных, что сможет идти. А может, он сам так действительно считал. Как бы то ни было, но, с моей точки зрения, мы рисковали, принимая такое решение. Да, поход имеет значение, но рисковать из-за него жизнью человека... Нет, тут я не согласен.

Володя молодец. Идти ему больно, но он идёт, опираясь на мою руку. А погода сегодня просто подарок. Дождались, наконец. На безоблачном морозном небе ослепительно сияет солнце. Мороз хороший, но зато ветер хоть и сильный, но ровный, и на солнце его леденящее дыхание чувствуется не так сильно.

Так мы и бредём с ним весь день «под ручку», и уже к обеду у меня на левом локте, там, где он опирается, образуется здоровенный синяк. В правой руке у меня ледоруб, на который приходится время от времени опираться, преодолевая камни, угадываемые по очертаниям снежного покрова. В обед мы всухомятку закусываем, допиваем воду из фляжки, захваченную со стоянки и которую я несу под курткой, чтобы вода не замёрзла. Потом я набиваю во фляжку предварительно сжатый руками снег, и укрепляю её на животе, чтобы снег постепенно растаял. Можно и снег есть, чтобы утолять жажду, но как-то неохота. По мере того, как снег тает, я добавляю новый. Так что пока так решаем проблему с водой. А впрочем, пить особо неохота.

Уже в сумерках я замечаю два небольших валуна, лежащих рядом. Мы подкапываемся под них, выгребая снег, так, чтобы образовалось место, где можно будет лечь двоим. Просвет между валунами мы забиваем снегом и утрамбовываем. Володя, несмотря на своё состояние, по мере своих сил помогает мне. Из двух спальников, сцепленных замками-молниями, сооружаем что-то вроде полога, потом укрепляем веревками этот полог за углы, так что две стороны лежат на валунах. Для противовеса я привязываю к противоположным концам веревок откопанные из-под снега небольшие камни и опускаю их с другой стороны валунов. Один свободный край полога закрепляю изнутри камнями, а второй оставляю свободным,

чтобы можно было заползти внутрь. Предварительно я положил рядом несколько булжников, чтобы потом придавить края полога на ночь. Мы опять поели всухомятку, запивая водой из фляжки, разлитой по кружкам, заползли внутрь, и улеглись спать, подоткнув и придавив свободный край полога камнями. Мы надели на себя всё, что у нас было, чтобы компенсировать отсутствие спальников. В темноте я спрашиваю Володю, как он себя чувствует. Он говорит, что боль пока терпима, сами ноги особо не болят, но больно наступать на них. Ну и ладно, хотя бы поспит ночь. А если он ещё и спать не будет из-за боли, то тогда сил на ходьбу не останется.

Спуск в долину

На следующий день мы проснулись ни свет ни заря. Было ещё темно, когда мы позавтракали, пожевав строганины, сушёного мяса, и поели сухарей, запивая водой. Потом свернули спальники, собрали рюкзаки, и опять побрели вперёд. Сегодня наша задача спуститься в долину. Для этого мы выбрали путь, который приведёт нас к реке. По ней мы и рассчитывали идти большую часть дня. День был такой же солнечный, как вчера. Чтобы выйти к речной долине, нам пришлось перебраться через небольшую гряду. И тут я понял, насколько же у Володи серьёзно болят ноги. Вверх идти он практически не мог. Кое как мы с ним выбрались наверх гряды. Сверху открылся вид на замёрзшую реку. В местах, где лёд не был занесён снегом, он искрился на солнце. Цвет льда был нежно-бирюзовый, изумительно красивый. Мы спустились на лёд, и Володя зашагал пободрее. Шли мы не быстро, так что я успевал разглядывать виды вокруг. Мне казалось, что можно бесконечно рассматривать это казалось, навсегда застывшее, заснеженное горное царство. Искрился снег, поблёскивал и переливался иссиня-бирюзовыми оттенками лёд, кругом стояли молчаливые величавые горы, и мне на какие-то мгновения стало жалко покидать всё это великолепии. Конечно, устаёшь, конечно, мёрзнешь на ветру, спишь в палатке, лезешь из последних сил на перевалы и на вершины, питаешься чёрт те как; и потрескались руки от мороза, и заусеницы на них докучают, и ноги мёрзнут, и вообще много других неудобств в походе. Но только всё равно отступают все эти трудности перед каким-то глубоким внутренним желанием, считай, потребностью, заложенной в человеке, идти по этим горам вперед и вперёд, не представляя особо, что ждёт тебя там, какие испытания придётся претерпеть. Неважно. Но толкает изнутри сила, которой невозможно противостоять, да и не надо. Зачем наступать на горло собственной песне? Раз наступишь, два, а потом и пять больше не захочешь. Так что слушай своё сердце, и не давай заглушать его голос никому. И в том числе, самому себе.

Река впереди делает поворот, уходя за скалу. Что там дальше, не видно. Наклон льда становится каким-то подозрительным, и я от греха подальше предлагаю выйти на берег. Мы огибаем поворот, и видим за скалой высокий застывший водопад, метров как минимум двенадцать. Вот с такой «горочки» мы могли бы очень запросто слететь, пройди мы ещё по реке метров пятнадцать. При таком падении мы бы точно свернули себе шею. Ну надо же! До чего же много в горах ловушек, где можно погибнуть. Нет, тут расслабляться нельзя!

Я был совсем маленький, может, лет в семь, когда первый раз задумался, как это получается, что человек такое слабое существо а, тем не менее, выживает. Какой бы ни был сильный человек, ему не справиться голыми руками с медведем, например. И получается, пришёл я тогда к выводу, что сила человека в основном в его уме и способности видеть, предугадывать события, придумывать инструменты и орудия, в способности быстро и

правильно реагировать на ситуацию. И хотя я продолжал уважать сильных людей, и сам стремился стать физически сильным и выносливым, всё же умственное развитие с того момент для меня приобрело тоже важное значение.

Во второй половине дня мы спустились до высоты примерно три километра. Это я определил, увидев за одним из поворотов, что на одном из склонов внизу появилась тёмная полоска леса. Лёд всё ещё был крепкий, и не было повода для беспокойства, что мы где-нибудь провалимся, но я понимал, что в какой-то момент нам надо будет уходить с него. А это означало, что идти Володе станет намного труднее. Пока он ничего, держался, но судя по тому, как он всё больше опирался на мою руку, идти ему становилось тяжелее.

- «Ну что, Володь, доковыляем?» - спросил я его шутливо, в попытке приободрить. На что он серьёзно ответил.

- «Знаешь, на сегодня меня хватит, может, на завтра на полдня, а там не знаю» .

Я тоже перешёл на серьёзный тон.

- «Ну тогда этого должно хватить, а там я схожу за подмогой. Нам надо спуститься, где тепло, чтобы я тебя мог одного оставить на некоторое время. Ничего, Володя, доберёмся!» - и я действительно был уверен, что теперь мы доберёмся. Если Володя продержится сутки - а раз он сказал, то продержится - то нам этого должно хватить.

Когда Володя провалился одной ногой в воду, я понял, что пора уходить с реки. Лёд местами становился ноздреватым, и подо льдом слышно было журчание воды. Мы вышли на берег и побрели вдоль реки. Скорость передвижения сразу замедлилась, наступать на камни ему было очень больно. Местами я тащил его на себе, где было много камней, там он уже не мог идти. И всё же к вечеру мы спустились до границы снегов. Река уже освободилась ото льда, и её шум приободрял. Мы уже были на уровне леса, а значит, сегодня можно будет развести костер и сварить нормальной пищи. Мы решили идти, пока не найдём места для ночлега.

И нам повезло. Уже смеркалось, когда мы наткнулись на старые лесоразработки. Даже не лесоразработки, это громко сказано, скорее, деляна для рубки леса. Там была старая полуразвалившаяся избёнка, но переночевать в ней было можно. И там даже была маленькая чугунная печка. На ней мы и сварили гречневой крупы, побросав в котелок и остатки строганины. Но как ни странно, есть особо не хотелось, и аппетита не было. Только потом я понял, что в моём случае организм перешёл на внутреннее питание. Тем не менее, мы поели, я сходил ещё раз на реку, помыть посуду и набрать воды. Гречневой похлёбки мы сварили побольше, чтобы утром не терять время на приготовление пищи, а сразу отправляться в путь. И для этого у нас были причины. Двигались мы медленно, так что компенсировали небольшую скорость временем. Но была ещё одна причина. Рассматривая карту, мы обнаружили явно проблемный участок. Долина, по которой мы шли, упиралась в узкое ущелье, и там заканчивалась. Судя по карте, местами ущелье было очень узкое, а склоны крутые. Река, вдоль которой мы шли, сливалась с другой, так что поток воды в узких местах вполне мог занимать всё ущелье. И как там идти, непонятно. Единственное, что мы могли предпринять, это выйти как можно раньше, пока не начнётся таяние снегов, и воды в реке будет мало. Так мы и решили сделать.

Мы поднялись часа в четыре. Ноги у Володи ещё больше распухли. Он уже до этого разрезал ботинки, чтобы засунуть в них ноги, а теперь пришлось разрезать их дополнительно. Мы поели похлёбки, собрались, и при занимающемся рассвете тронулись в путь. Километра через три долина закончилась, и началось ущелье. На деле ситуация оказалась даже хуже, чем

мы предполагали. Река занимала всё узкое ущелье на протяжении половины пути. Но в чём нам повезло, это то, что во многих местах к стенам ущелья примёрз лёд. Уровень воды был метра на полтора-два ниже, а толстая кромка льда с обломанными краями, шириной где с метр, где меньше, тянулась вдоль стен ущелья. По ней мы и шли. Километров через пять ущелье начало помаленьку расширяться. Кромка льда попадалась всё реже, и приходилось всё чаще идти по каменным осыпям. Через них я опять перетаскивал Володю на себе. В конце концов, ущелье вышло в горную долину, река ушла вправо, а мы побрели вдоль подножия гор. Володя шёл всё медленней и медленней, и я понял, что запас времени у нас совсем небольшой.

Мы встретили первый табун лошадей часа через два после того, как вышли в долину. Но людей возле него не было. Это был полудикий табун, пасшийся сам по себе. Потом мы встретили ещё лошадей, но там тоже никого не было. Когда через час мы увидели издали третий табун, то мне показалось, что я разглядел там наездника на лошади. Я оставил Володю, и пошёл быстрее вперёд, в надежде его перехватить. С табуном действительно был старик пастух, в тувинской одежде, в старом ватном халате, не знаю, как он у них называется. Но по-русски он ничего не понимал. Я пытался ему объяснить, что нам нужна лошадь, но он то ли делал вид, что не понимает, то ли действительно не понимал. Пока я с ним таким образом «разговаривал», приковылял Володя. Он сел на землю, разул одну ногу и показал опухшую сине-багровую ступню. Мы показывали на лошадь, но старик только покачивал головой и сказал одно слово, «больница». Ага, всё же он какие-то слова знает! И я начал подозревать, что он просто прикидывается, что ничего не понимает. Просто не хочет давать лошадь. Я вынул деньги, предлагая ему, но он не стал брать. И тогда я начал свирепеть. Я понял, что старик нас дурит, прикидывается. Я вытащил нож и недвусмысленно пошел с ним к старику.

И тут он всё сразу начал понимать. Вполне сносно он сказал, что даст нам лошадь, но чтобы мы оставили её в юрте, и он объяснил, как к ней пройти. Надо было перевалить через гору с правой стороны долины, а потом продолжать идти в том же направлении, что мы шли, но только уже с другой стороны горы. Он сел на свою кобылу, и тут я первый раз в жизни увидел, как ловят полудикую лошадь. Он подскакал к табуну. Тот испугался, шархнул от старика, но старик ловко раскрутил лассо и с первого раза накинул на шею лошади. Потом он оседлал её. Я помог Володе сесть на лошадь, и повёл её под уздцы на перевал. Мы перешли реку, которая в этом месте растеклась по долине многочисленными журчащими ручейками, причём я умудрился не намочить ноги, перескакивая с камня на камень, и начали подниматься вверх по склону. Склон был умеренно крутой, и лошадь, привыкшая ходить по горам, поднималась хоть и с трудом, но уверенно. Только считанные разы она подавалась сначала назад, не в силах преодолеть подъём сразу, но потом напрягалась и снова шагала вверх. В таких случаях я сильнее натягивал узду, не давая ей отступать далеко назад.

Ещё часа через два после того, как мы одолели перевал, мы добрались до юрты, к которой с противоположной стороны подходила дорога. Видно было, что по ней иногда ездили автомобили. Володя спешил, мы отдали лошадь хозяевам, тувинцу и его жене, и расспросили, как нам добраться до Эрги-Барлыка. Когда будет машина, они не знали, может завтра, может через несколько дней. Связи с селом у них никакой не было. По карте до него было километров сорок с лишним, и по ситуации надо было идти. Володя теперь пристроен, а я доберусь пешком и вернусь за ним на машине. Найду какую-нибудь. И я отправился в дорогу.

Эрги-Барлык

Что это была за ходьба, лучше не рассказывать. Даже сейчас мне не по себе, когда я вспоминаю ту ночь. Мы уже прошли в тот день как минимум километров двадцать пять, и из них сколько-то я тащил Володю на себе, когда он не мог идти по каменным осыпям. Конечно, я устал. Но ноги у Володи были в плачевном состоянии. Местами обмороженные места лопнули, и я боялся, не было бы заражения. У нас была аптечка, мы как могли обработали раны, но надо было быстрее доставлять его к врачам.

Я шёл и шёл по дороге, не останавливаясь. Скоро стало темно, и несколько раз я терял дорогу, но потом снова находил её, подсвечивая себе фонариком «жучком» и ориентируясь на рельеф местности - что я мог разглядеть в темноте. «Жучок», это такой фонарик, где надо всё время нажимать на рукоятку, чтобы он светился. Потом вошла луна, и стало светлее. Было часа два ночи, когда я вышел из предгорий и на плоской голой равнине, слабо освещённой светом луны, увидел огни села. Но они были так далеко! До селения было, по крайней мере, ещё километров семь.

Временами меня одолевало желание просто упасть на землю и будь что будет. Но я понимал, что тогда засну, и могу просто замёрзнуть. Снега не было, но ночь была холодная. Сил у меня было немного, а одет я был легко – оставил всё лишнее с Володей. И я продолжал идти, хотя меня уже начало заносить в стороны. Я глядел под ноги, и изредка поднимал голову, только для того, чтобы убедиться, что огни села практически стоят на месте, нисколько не приближаясь. Никогда в жизни мне ещё не было так тяжело идти. Я находился в дороге уже двадцать два часа, пройдя за это время по горам больше шестидесяти километров. И я смертельно устал. Мысль упасть на землю появлялась всё чаще, но я гнал её от себя, как наваждение. В голове начало мутиться, и я уже стал плохо соображать, но всё равно в подсознании удерживалась мысль, что я должен идти, хотя временами я уже переставал понимать, зачем.

Но кончилась и эта попытка. Я стучу в дверь первого дома, стоящего на окраине посёлка. Её открывает сонный тувинец, не говоря ни слова, проводит меня в комнату, и сгоняет с лавки своего малолетнего сынишку. Тот, сонный, идёт в общую комнату, где на полу вповалку спит вся семья, и как подкошенный падает на пол. В комнате горит свет. «Как они могут спать при свете?» - мелькает ещё у меня мысль, и я тут же отключаюсь, свалившись на лавку.

Почти суточный переход подкосил мои силы. Самочувствие с утра было, что называется, надо бы хуже, да некуда. Но, тем не менее, меня держит сознание того, что надо закончить дело. Рано утром я уже возле поселкового гаража, но там ещё никого нет. Тут я соображаю, что в медпункте посёлка должна быть санитарная машина. Нахожу медпункт. Хотя медсестра там, водителя нет. Я не жду, когда он появится, но узнаю, где он живёт, и отправляюсь к нему домой. Приходится некоторое время уламывать водителя, чтобы он поехал. Он ссылается на трудную дорогу, недостаток времени, одним словом, тянет резину - ехать ему неохота. Я обещаю ему десять рублей, если он съездит за Володей и отвезёт нас к рейсу в аэропорт Кызыл-Мажалыка. Рейс один, я уже узнал, и нам любой ценой надо на него успеть.

«Уазик» надрывно ревет двигателем на подъёмах, когда мы едем в горы. Забрать Володю потребовалось пять минут, он уже был готов. Ещё через час с небольшим мы приближаемся к Кызыл-Мажалыку, торопясь на рейс. Я рассчитываюсь с водителем, помогаю вылезти Володе, и бегу в маленькое здание аэропорта. Билетов нет, рейс полный, но я нахожу пилота,

и объясняю ему срочность ситуации. Если мы не улетаем, Володю надо будет везти в больницу здесь, а хотелось бы довести его до дома. В самолёте «Як-40» в хвостовой части отделение для багажа, и там, на полу, мы и летим в Красноярск. В Красноярске делаем пересадку, и к вечеру мы в Омске.

В больнице врач равнодушно посмотрел на Володины ноги, забинтовал и отправил домой, сказав что никакой гарантии дать не может, заживут ли ноги. «А если не заживут, то что?» - наседаю я на него. «Ну, ампутируют», - так же равнодушно отвечает он. Но меня такой исход не устраивает. Мы с Володиной женой отвозим его домой, а я еду к нашему общему приятелю, хирургу. Проблема в том, что он работает в другом районе, но мы обходим и это препятствие, договорившись с водителем скорой помощи, который даёт другой адрес, когда привозит Володю в больницу. Тут уже им занимаются серьёзно. Один из врачей предлагает ампутацию, но мы относимся к предложению как-то без энтузиазма. Так что они делают коагуляционную блокаду, и ещё что-то, чтобы предотвратить гангрену. В этих деталях я уже не разбираюсь. Я покидаю больницу уже поздно вечером и, обессиленный, еду домой в пустом троллейбусе. Теперь моя душа спокойна. Что я считал нужным сделать, и что зависело от меня, я выполнил. Теперь я хочу только одного – выспаться.

За окном накрапывает мелкий холодный дождь, и маленькие капельки, увлекаемые встречным воздухом, как будто с усилием растекаются по стеклу. Деревья стоят по-зимнему голые, но снега нигде не видно. На улицах чисто, прибрано. Субботник уже прошёл, городские улицы почистили.

Пора возвращаться в прежнюю жизнь. А перед глазами стоят заснеженные горные долины, величественные хребты, покрытые вечными снегами. В памяти выплывает вид «Лезвия». Потом я вспоминаю, как мы успели по обломанному льду пройти то узкое ущелье, до того, как оно наполнилось водой. И я понимаю, что не доходил по горам, что жалко мне, что пришлось выйти раньше. Но теперь то что, дело сделано. И нечего беречь душу. Будут ещё горы, утешаю я себя, но сам понимаю, что хоть и будут, но не такие и не сейчас. В жизни ничего не повторяется. Ни-че-го.

Эпилог

Володя провёл в больнице две недели. Ноги ему спасли, хотя окончательно он оправился только через год, и даже тогда через кожу можно было видеть водянистые волдыри. Но через полтора года и они исчезли. А ребята нормально прошли весь маршрут. Мышкин поднялся на две вершины, как он того страстно желал, а Гена получил мастера спорта по горному туризму, что для него и было целью похода. А Серёга, по его словам, прекрасно провёл время в хорошей компании, и для него это было основное, что он ожидал и получил от похода. Он больше всех сетовал, что нам с Володей пришлось уйти, потому что у нас была такая хорошая компания, которая, по его словам, редко собирается. С Колей и Серёгой мы потом ещё ходили в походы, а с Колей вообще подружились. И что ещё сказать в эпилоге, я даже не знаю. Бывают вот такие ситуации в жизни, что приходится выжимать из себя всё, на что только способен, и даже больше. Жизнь штука непростая. И у каждого есть граница, до которой он сохраняет в себе человеческое достоинство и самого себя как личность. Но она есть, такая граница, это я знаю точно, и не так уж она далеко у многих. И повезет тому, кто сумеет её не переступить даже в самых сложных ситуациях, но мобилизует всю свою волю и свой ум и сумеет с честью выйти из ситуации. Хотя, хотя... Это совсем непростое дело.